

О Л Ь Г А М А Й С К А Я

В С Е
М О Г Л О
Б Ы Т Ь

неплохо

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

Ольга Майская

Все могло быть неплохо

<https://litres.ru/73984969>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ульяна привыкла держать свою жизнь под контролем: работа из дома, своя квартира, сигареты на балконе и безопасная дистанция с людьми. После прошлого, о котором она предпочитает не говорить, так жить проще.

Артём появляется в её жизни как что-то временное и несерьёзное. Несколько разговоров. Несколько случайных прикосновений. Несколько решений, о которых потом слишком сложно не думать.

История про желание близости, страх, саморазрушение и чувства, которые приходят совсем не вовремя.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	47
Глава 5	64
Глава 6	74
Глава 7	85
Глава 8	100
Глава 9	117
Глава 10	130
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Все могло быть неплохо

Глава 1

Я клацала по клавишам, пытаясь внятно сформулировать, почему пользователь третий раз подряд не доходит до нужного действия, хотя кнопка, по мнению команды, находится «прямо перед глазами». Курсор мигал в конце строки с той спокойной издевкой, на которую способны только текстовые редакторы и люди, ставящие задачи без нормальных вводных.

На записи пользовательского интервью мужчина лет сорока уже несколько минут рассуждал о том, что в целом всё понятно, просто он почему-то не понял, куда нажимать дальше. Я слушала его, глядя в таблицу с заметками, и аккуратно переводила происходящее на рабочий язык, убирая из формулировок всё лишнее, честное и потенциально травмирующее для людей, три месяца согласовывающих этот экран.

Пользователь потерялся на ровном месте, но в отчёте это должно было называться «ключевое действие недостаточно заметно в текущем сценарии». Экран был перегружен всем, что кто-то захотел туда запихнуть, но для клиента существовала более бережная версия: «интерфейс конкурирует за внимание пользователя несколькими равнозначными элементами».

В этом, пожалуй, и заключалась отдельная красота моей профессии: каждый день находить приличные формулировки для очевидного хаоса.

Я работала UX-аналитиком в digital-агентстве, которое делало интерфейсы для внешних клиентов: личные кабинеты, мобильные приложения, внутренние сервисы, формы заявок и прочие прекрасные места, где пользователь должен был быстро решить свою задачу, но вместо этого злился, путался, закрывал вкладку и превращался в строку в аналитическом отчёте. Моя работа начиналась там, где чьё-то «да вроде нормально» сталкивалось с живым человеком, не обязанным понимать логику команды, клиента, дизайнера и всех участников согласования сразу.

Сам процесс мне нравился. В нём было что-то почти детективное: заметить, где человек начинает сомневаться, вытащить повторяющуюся проблему из десятка разрозненных наблюдений, связать поведение с метриками, проверить гипотезу, а потом собрать из всего этого вывод, достаточно точный, чтобы им можно было пользоваться, и достаточно вежливый, чтобы после презентации никто не вышел из созвона оскорбленным.

С людьми вокруг этой работы всё было сложнее.

Открыв задачу, поставленную проджектом после очередного созвона с клиентом, я пробежалась глазами по описанию и почувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение. Формулировка была написана в лучших традици-

ях корпоративного фольклора: «посмотреть пользовательский путь, понять, где просадка, предложить улучшения, желательно без сильных изменений».

То есть сделать лучше, ничего толком не меняя. Прекрасный подход. Почти философский.

Особенно меня радовало слово «посмотреть». В нормальном человеческом языке оно означало направить взгляд на объект и, возможно, сделать какой-то вывод. В рабочем языке за ним обычно скрывалось всё что угодно: разобрать метрики, пересмотреть записи сессий, поднять интервью, проверить гипотезы, собрать выводы, объяснить продукту, почему его любимая идея не работает, и сделать это так, чтобы никто не почувствовал себя человеком, оплатившим красивую, но неудобную ерунду.

Я открыла чат проекта и увидела новое сообщение от проджекта.

«Ульян, клиент хочет, чтобы путь был проще, но при этом все поля в анкете остались. И ещё важно, чтобы пользователь не чувствовал давления, но мы всё равно должны собрать максимум данных на первом шаге».

Я невольно усмехнулась.

Конечно. Сделать проще, ничего не убрав. Не давить, но спросить всё сразу. Не раздражать пользователя, но поставить перед ним анкету, после которой хочется закрыть вкладку, выключить ноутбук и уйти жить в лес, где максимум обязательных полей, с которыми ты сталкиваешься, это

дрова, вода и здравый смысл.

Я перечитала сообщение ещё раз, уже не надеясь обнаружить в нём скрытый смысл, пропущенный с первого взгляда. Скрытого смысла там не было. Было обычное желание получить идеальный сценарий без неприятной части, в которой приходится выбирать между бизнес-хотелками и человеческой психикой.

Набрав короткое «Закинь в задачу», я отправила сообщение и вернулась к описанию. Отвечать в личке было бесполезно. Сегодня ты разрешаешь один вопрос в чате, завтра туда же прилетает ещё пять, а послезавтра задача окончательно превращается в археологический слой из уточнений, голосовых, скринов и фраз «ну мы же обсуждали».

Меня бесило не само уточнение. Уточнения, в отличие от большинства людей, иногда бывали полезными. Меня бесило, что их никогда не собирали в одном месте, не оформляли нормально и не привязывали к задаче, а потом удивлялись, почему кто-то что-то не учёл. Видимо, по мнению части человечества, я должна была не анализировать пользовательский опыт, а гадать по сообщениям, рассыпанным в трёх чатах и одном созвоне, который, конечно же, никто не записал.

Я снова посмотрела на таблицу с инсайтами, провела рукой по волосам и заставила себя вернуться к работе. В одной вкладке висел прототип, в другой были открыты метрики, в третьей ждала расшифровка интервью. Всё это постепенно складывалось в неприятный, но вполне логичный вывод:

проблема была не в том, что пользователи не понимали сценарий, а в том, что сценарий не особенно стремился понимать пользователей.

Формулировать это прямо, разумеется, было нельзя.

Поэтому я написала: «Текущий путь содержит избыточное количество обязательных действий на раннем этапе, что повышает риск выхода пользователя до завершения сценария».

Сухо, вежливо, безопасно. Почти не похоже на «вы сами всё усложнили, а теперь удивляетесь».

Я ещё раз перечитала итоговую формулировку, проверяя, достаточно ли она стерильная для того, чтобы пережить клиента, проджекта и внутренний созвон без лишних вопросов. Стерильность была почти медицинская. Ни крови, ни обвинений, ни прямого указания на то, что половину полей в анкете туда положили с выражением лица «ну нам же может пригодиться».

Отправив комментарий в задачу, я открыла соседнюю вкладку с прототипом и начала отмечать экраны, требующие правок. На первом шаге сократить поля. Подсказку вынести ближе к действию. Основную кнопку сделать заметнее. Второстепенную ссылку убрать ниже, чтобы пользователь не воспринимал её как равнозначный выбор и не уходил туда из чистого отчаяния.

Работа наконец снова пошла. В этом было своё удовольствие, тихое и почти приличное: разбирать заваленный сце-

нарий, вытаскивая из него смысл, расчищая лишнее, наводя порядок там, где до тебя кто-то щедрой рукой разложил всё, что пришло в голову. Иногда мне казалось, что UX-аналитика держится не на исследованиях и метриках, а на упрямом желании отдельных людей сделать так, чтобы другим людям было чуть менее мучительно пользоваться чужими решениями.

Почта мигнула новым письмом.

Я бросила взгляд на правый нижний угол экрана, заранее не ожидая ничего хорошего. Обычно письма в середине дня делились на три категории: «срочно, но мы забыли предупредить заранее», «посмотрите, пожалуйста, таблицу на срок вкладок» и «нам нужно ваше мнение, но решение уже принято».

Открыв уведомление, я застыла на пару секунд, пробегая глазами по теме.

«Выездной корпоратив по итогам квартала».

Я медленно откинулась на спинку кресла. Прекрасно. Видимо, мир решил, что одного пользовательского сценария, не желающего понимать пользователей, мне сегодня недостаточно, поэтому предложил ещё и корпоративный сценарий, не желающий понимать сотрудников.

Письмо начиналось бодро, с почти пугающим уровнем энтузиазма.

«Дорогие коллеги! **22 июня в субботу** состоится выездной корпоратив, посвящённый итогам квартала, обмену

опытом и развитию командного взаимодействия. **Сбор всех в 10:00 утра в офисе** для организованного трансфера».

Я перечитала фразу про субботу в десять утра, чувствуя, как лицо само принимает то выражение, с которым лучше не попадаться на глаза HR. Сбор в офисе в законный выходной, чтобы тебя погрузили в автобус и везли развивать взаимодействие. Всё это звучало так, словно взрослых людей собирались вывезти за город, поставить на траву, поделить на команды и заставить радоваться тому, что они не дома.

Дальше письмо обещало загородный дом, общий ужин, бар, музыку и «лёгкую неформальную программу». Слово «лёгкую» настораживало отдельно. В корпоративной среде оно обычно означало, что отказаться будет сложно, выглядеть глупо придётся всем, а фотографии потом обязательно окажутся в общем чате с подписью «как это было».

Я дочитала письмо до конца, медленно выдыхая через нос. Ночёвка была «по желанию», что звучало почти милосердно, если не учитывать, что само желание провести вечер субботы в загородном доме с коллегами, алкоголем и командными играми уже требовало отдельного психологического исследования.

Закрыв почту, я открыла чат с Даней.

«Ты идёшь на это сборище клоунов?»

Ответ пришёл почти сразу.

«И тебе доброе утро, мой любимый мизантроп».

Я посмотрела на часы. Доброе утро закончилось пример-

но четыре часа назад, вместе с моей верой в человечество.

«Моё имя Ульяна».

«Конечно, Уль».

Я уставилась в экран, чувствуя, как уголок губ всё равно дрогнул.

«Ты специально?»

«Да».

«Мерзкий человек».

«Зато честный. И да, иду».

Облегчение было почти физическим. Без Дани это мероприятие требовало бы плана побега и ящика вина. С ним всего лишь пары бутылок и общего презрительного взгляда на «игры по командообразованию».

«Слава богу. Без тебя я туда не поеду».

«Ага, значит, я твой официальный сопровождающий на корпоративный пиздец?»

«Не льсти себе. Ты просто единственный, с кем там можно стоять в углу и закатывать глаза так, чтобы нас не уволили».

«Уль, это почти признание в любви».

«Ещё раз сократишь моё имя, и я признаюсь тебе в чём-нибудь уголовном».

«Ладно, Ульяна. Вижу, у нас сегодня обострение любви к полным формам».

Я усмехнулась, перечитывая переписку. Дания был из тех людей, рядом с которыми раздражение не исчезало, а становилось удобнее, словно ему наконец находили нормальную

форму. Он работал в соседней команде, занимался чем-то на стыке продукта, презентаций и бесконечного общения с людьми, что само по себе казалось мне формой добровольного страдания. При этом он умел выглядеть так, словно пришёл не в офис, а в место, где его случайно могут сфотографировать для журнала о людях с дорогими пальто и лёгкой усталостью в глазах.

Через несколько секунд он написал снова:

«А вообще тебе полезно выйти в люди».

«Я каждый день выхожу в люди. Они приходят ко мне на интервью и не могут найти кнопку на главном экране».

«Это не люди, это исследовательский материал».

«Тем более».

«Может, хоть там найдёшь себе мужика».

Я посмотрела на это сообщение, медленно моргнула и поставила пальцы на клавиатуру.

«Нафига он мне? У меня уже есть работа, ипотека и регулярное чувство усталости. Набор полный».

«Мужик может носить тяжёлое, открывать банки и говорить, что ты красивая».

«Тяжёлое привезёт доставка. Банки открываются ножом. Что я красивая, я и так знаю».

«Вот поэтому ты одна».

«Нет, Даня. Я одна, потому что у меня развит инстинкт самосохранения».

«Слишком пафосно».

«Зато правда».

«Ладно. Если там будет нормальный мужик, не женатый, не душнила и не из продаж, я тебе маякну».

«Ты сейчас описал мифическое существо».

«Корпоратив выездной. Загородный дом, алкоголь, приглушённый свет. В таких условиях даже бухгалтерия кажется загадочной».

«Не трогай бухгалтерию. У них хотя бы всё сходится».

«Сказала женщина, которая флиртует через презрение к людям».

«Я не флиртую».

«Да, Ульяна. Ты просто заранее оцениваешь всех мужчин по вероятности испортить тебе вечер».

«Звучит разумно».

«Звучит одиноко».

Я закрыла чат не сразу. Ещё пару секунд смотрела на последние сообщения, чувствуя, как раздражение от корпоративного письма постепенно становится не таким острым. Не потому что мне внезапно захотелось ехать за город, пить вино из пластикового бокала и угадывать фильмы по жестам человека из отдела разработки. До таких изменений личности я пока не дошла. Просто теперь в этой сомнительной затее появлялся хотя бы один нормальный человек.

Ну, относительно нормальный.

Я снова открыла письмо, пробежалась глазами по деталям и задержалась на фразе «игры на знакомство и командное

взаимодействие». Игры на знакомство в компании, где половина людей уже годами видела друг друга в рабочих чатах, выглядели особенно изящной формой насилия. Видимо, мало было знать, кто сорвал сроки, кто не обновил статус и кто третий месяц не может согласовать макет. Для полного командного счастья нужно было ещё узнать, кто какой фрукт выбрал бы в детстве и почему.

Я написала Дане:

«Если там будут игры на знакомство, ты меня прикроешь».

«Морально или физически?»

«Юридически».

«Понял. Надену рубашку, в которой мне поверит судья».

«Главное, не ту зелёную».

Ответ пришёл не сразу. Я даже представила, как он оскорблённо смотрит в телефон, вспоминая свою зелёную рубашку, которую однажды назвал «акцентной», чем окончательно подтвердил мою теорию о том, что мужская мода иногда заходит слишком далеко.

«Зелёная была концептуальная».

«Она была преступлением против зрения».

«У тебя просто нет вкуса».

«У меня есть вкус. Поэтому я и против зелёной рубашки».

«Ладно, надену чёрное. Для траура по твоей любви к людям».

«Вот теперь ты мне нравишься больше».

«Запомню этот редкий момент».

Я убрала телефон в сторону и снова посмотрела на рабочий экран. Прототип терпеливо ждал, не требуя от меня ни командного настроения, ни участия в неформальной программе, ни объяснений, почему я не хочу узнавать коллег через игры с карточками. В этом у него уже было заметное преимущество перед большинством живых людей.

Вернувшись к задаче, я дописала ещё несколько рекомендаций, аккуратно разложив их по блокам: первый шаг, логика анкеты, подсказки, визуальные акценты, порядок сбора данных. Чем спокойнее выглядели мои формулировки, тем отчетливее я чувствовала их настоящий смысл. Уберите лишнее. Перестаньте требовать от человека всё сразу. Дайте ему понять, зачем он вообще сюда пришёл. Не надо превращать обычную форму в допрос с элементами квеста.

В проектном чате снова появилось сообщение.

«Ульян, а можешь ещё коротко пояснить, почему не стоит оставлять все поля обязательными? Чтобы я клиенту донес».

Я посмотрела на экран, медленно вдохнула и потянулась к кружке с остывшим кофе.

Конечно, могу.

Могу коротко. Могу длинно. Могу с графиками, цитатами пользователей и скриншотами, на которых взрослый мужчина с высшим образованием не понимает, куда нажать дальше. Могу даже станцевать вокруг анкеты с бубном, если это наконец убедит кого-то, что люди не любят заполнять лиш-

нее.

Набрав ответ, я всё же удержалась в пределах профессиональной вежливости.

«Да. Чем больше обязательных полей на первом шаге, тем выше когнитивная нагрузка и риск выхода из сценария. Лучше собрать минимум для продолжения, а остальное дозапросить позже, когда пользователь уже понимает ценность действия».

Я перечитала сообщение и добавила следом:

«И закинь, пожалуйста, это тоже в задачу».

Отправив ответ, я почувствовала почти физическое облегчение. Маленькое, жалкое, но всё же облегчение человека, который хотя бы попытался защитить будущую себя от раскопок в личке.

Почта с корпоративом всё ещё висела в соседней вкладке, неприятно напоминая о себе одной только темой письма. Загородный дом, общий ужин, бар, музыка, игры.

Я поставила курсор в следующую строку рекомендаций и заставила себя вернуться к работе. Пользователи продолжали путаться в сценарии, проджекты продолжали писать в личку, клиенты продолжали хотеть проще, не убирая ничего лишнего.

В общем, день шёл вполне стабильно.

Глава 2

Рабочий день закончился не тогда, когда я закрыла задачу, а минут через сорок после этого, когда я наконец перестала проверять рабочий чат каждые три минуты. В удаленке была своя особая подлость: никто не держал тебя в офисе, не стоял над душой и не просил остаться еще на полчаса, но ноутбук все равно лежал на столе с видом немого упрека.

Я захлопнула его чуть громче, чем требовалось, и на пару секунд осталась сидеть в тишине, привыкая к мысли, что на сегодня с меня хватит. Пользователь больше не искал кнопку на записи, проджект больше не уточнял «один маленький момент», тянувший за собой ещё четыре маленьких момента и один созвон, а таблица с инсайтами наконец перестала смотреть на меня всеми своими ячейками.

Квартира постепенно возвращала себе вид квартиры, а не филиала моей работы.

Стол у окна выглядел почти прилично, если не считать кружки с остывшим кофе, блокнота с обрывками фраз, зарядки, мышки, стикеров и ручки, которую я искала весь день и, конечно, нашла только сейчас. На стене напротив дивана висел большой экран, используемый мной значительно чаще для кино, чем для работы, хотя при покупке я честно рассказывала себе, что это будет «удобно для задач». Удобно оказалось лежать на диване у балконной двери, завернувшись

в плед, и смотреть на нём сериалы, делая вид, что это тоже часть взрослой продуктивной жизни.

Диван стоял у балконной двери: глубокий, зелёный, мягкий, с подушками, которые я раскладывала красиво примерно раз в неделю, а потом всё равно сбивала в удобную кучу. На полу перед ним лежал разноцветный ковёр, немного модный, немного слишком смелый для людей, выбирающих всё бежевое, зато отлично собиравший комнату вокруг себя. Ламинат под ним был теплого древесного оттенка, уложенный отцом с таким видом, словно вместе с каждой доской он укладывал часть моего характера, тяжёлого, упрямого и, по его мнению, слишком самостоятельного.

За диваном по стене тянулись полки с книгами, рамками, мелкими растениями и вещами, которые нормальные люди называют декором, а я называла «ну оно же милое, пусть стоит». Гирлянды я развесила там же, пустив их вдоль полок и дальше по стене, чтобы вечером комната освещалась мягкими тёплыми огнями, а не одним унылым потолочным кругом. Я включала их вместо верхнего света, потому что верхний свет превращал любую комнату в поликлинику, а я и так слишком много времени проводила среди людей, которых хотелось чем-нибудь лечить.

Гирлянды были не только у дивана. Над кроватью тоже висела тонкая тёплая нить огоньков. Кровать стояла в глубине комнаты, ближе к стене со стороны прихожей, занимая свой угол без попытки изображать отдельную спальню. С порога

она не бросалась в глаза, немного прикрытая перегородкой и расстановкой мебели. Мне нравилось это ощущение отдельного места, где можно лечь, выключить телефон и хотя бы на ночь перестать быть человеком, которому все пишут.

Рядом была почти незаметная дверь в гардеробную. Когда-то это называлось кладовой, что звучало грустно и пахло ведром, старыми банками и лыжами неизвестного происхождения. Я сделала дверь почти в цвет стены, без лишних ручек и визуального шума, потому что чем меньше квартира напоминала склад, тем спокойнее мне жилось. Внутри, конечно, склад всё равно победил, просто теперь он был организованный: одежда, коробки, обувь, сумки, сезонные вещи и пара пакетов, в которых лежало что-то настолько важное, что я не решалась выбросить их уже второй год.

Всё туда, разумеется, не помещалось. Поэтому вдоль стены до второго окна стояли комоды, спасавшие меня от полного поражения в войне с вещами. На них жили лампы, книги, блокноты, увлажнитель, свечи, какие-то коробочки, несколько странных мелочей, купленных ночью на маркет-плейсе в состоянии «мне это точно нужно», и маленькая лампа в виде ТАРДИС. Её я особенно любила. Во-первых, потому что «Доктор Кто» был одной из тех вещей, которые я могла пересматривать в любом настроении. Во-вторых, потому что синяя полицейская будка, светящаяся на комоду в моей квартире, выглядела вполне честным символом взрослой жизни: снаружи мало места, внутри полный хаос и на-

дежда, что всё как-нибудь поместится.

Шторы я тоже выбирала не с первого раза. Хотелось не просто закрыть окно, а сделать так, чтобы дневной свет проходил мягко, без этой офисной прямоты, от которой сразу видно пыль, усталость и все неудачные решения за последние десять лет. В итоге у окна висела лёгкая тюль с рисунком, похожим на вышивку, а рядом с ней более плотные зелёные шторы с листьями. С ними квартира вечером становилась чуть более лесной, чем городской, и это мне нравилось. В Москве, конечно, любой лес приходится собирать самостоятельно: шторами, растениями, картинками на полках и упорным отрицанием вида из окна.

Кухня у меня была маленькая, белая, с деревянной столешницей и небольшим прямоугольным столом, за которым можно было есть, работать, раскладывать покупки и драматично смотреть в кружку, изображая героиню сериала про женщину, которая справляется. Белые фасады я выбирала долго, мучительно, сравнивая оттенки, которые нормальный человек назвал бы одинаковыми. Столешницу хотела именно деревянную, тёплую, чтобы кухня не выглядела местом, где страшно поставить чашку без подставки.

Когда я впервые увидела эту квартиру, ничего тёплого в ней не было. Она досталась мне в состоянии, которое риелторы называют «под ремонт», избегая честного «пиздец, но жить можно, если вы сильная». Бабулины обои, уставший пол, кухня цвета безнадёги, ванная, в которой хотелось не

мыться, а попросить прощения у всех предыдущих жильцов за вторжение в их прошлое.

Я тогда стояла посреди комнаты, держа в руках документы, и пыталась разглядеть будущий дом. Получалось плохо. Пахло старой мебелью, пылью, чужой жизнью и ипотекой. Последняя пахла особенно отчётливо.

Потом были замеры, списки, строительные магазины, споры с самой собой, споры с отцом, доставка кухни, выбор обоев, ламинат, плинтусы, розетки, шторы, полки, лампы, ковёр, диван, который я увидела и почти сразу поняла, что нормальным он не будет. Слишком зелёный, слишком заметный, слишком не «на всякий случай». Именно поэтому я его и взяла.

Теперь, стоя у кухни и глядя на комнату, я каждый раз немного удивлялась, что всё это получилось. Идеальные квартиры существовали в подборках, где никто не ест над ноутбуком, не оставляет плед комком и не покупает ночью очередную лампу, называя это «точкой мягкого света». Моя была другой: обжитой, собранной под меня, местами слишком яркой, местами неидеальной, зато полностью моей. В ней было всё, что я вытаскивала из убитой бабулиной хаты, кредита, упрямства, помощи отца и очень большого желания иметь место, где наконец можно жить по-своему.

Я открыла холодильник с выражением человека, заранее готового к разочарованию. Холодильник не подвёл: йогурт, сыр, два яйца, остатки курицы и пачка вареников, выглядев-

шая на фоне всего этого настоящим подарком судьбы.

Вареники победили без борьбы.

Пока вода закипала, я стояла у плиты и смотрела на маркетплейсе пледы, потом держатели для книг, потом керамические миски, потом настольные лампы, хотя ламп у меня было столько, что квартиру можно было подсвечивать слоями, создавая атмосферу таинственного особняка для человека, который просто ест вареники после работы.

На экране всплыло сообщение от Дани.

«Ты жива или нет?»

Я помешала вареники, убавила огонь и ответила одной рукой:

«Если я отвечу “или нет”, ты поверишь?»

«Нет».

«Тогда зачем спрашиваешь?»

«Из вежливости. Я же приличный человек».

Я усмехнулась. Даня и приличие существовали в одной вселенной, но пересекались редко, обычно случайно и без взаимного удовольствия.

«Я ем вареники и смотрю лампы».

«Опасное состояние».

«Сейчас скину».

Я открыла карточку той самой лампы, маленькой, с тёплым плафоном и деревянным основанием, совершенно ненужной и уже почти моей, потому что мысленно она давно стояла на комодке возле ТАРДИС. Скопировав ссылку, я

отправила её Дане.

«Что думаешь?»

Ответ пришёл не сразу. Несколько секунд он, видимо, разглядывал лампу, готовя что-нибудь мерзкое, но точное.

«Думаю, она похожа на бабулину. Ты возвращаешься к истокам».

Я фыркнула так громко, что вареники в кастрюле получили право считать себя участниками разговора.

«Это винтаж».

«Уль, она выглядит так, словно рядом с ней должна лежать газета “Аргументы и факты” и пульт в пакете».

Я поморщилась от короткого «Уль», но спорить не стала. Даня прекрасно знал, что меня это раздражает, и пользовался знанием с той же любовью к мелкому вредительству, с какой некоторые люди подсыпают соль в чай.

«Ты просто ничего не понимаешь в уюте».

«Я помогал тебе таскать мешки со штукатуркой в эту квартиру. Я имею право голоса в вопросах уюта».

Тут он, к сожалению, был прав.

Мы подружились как раз тогда, когда я только взяла ипотеку и вошла в ремонт, решив, что самостоятельная взрослая жизнь обязана начинаться с бетонной пыли, чеков из строительного и желания лечь на голый пол, чтобы больше никогда не вставать. Даня жил в пятнадцати минутах ходьбы от меня и по какой-то странной причине не сбегал после первой же просьбы помочь принять доставку.

Потом он помогал заносить в квартиру коробки, таскал какие-то доски, держал дверь ногой, пока я ругалась с курьером, и однажды стоял посреди моей будущей кухни с мешком смеси в руках, заявив, что, если я ещё раз скажу «да там недалеко от лифта», он начнёт брать оплату вином.

Тогда квартира еще мало напоминала место, где можно жить. На стенах держались остатки бабулиных обоев, пол выглядел уставшим от самой идеи существования, а в воздухе постоянно висела пыль, оседающая в волосах, на ресницах и на моем оптимизме. Даня, появляясь после работы в слишком хороших ботинках и с лицом человека, зашедшего в чужую трагедию из любопытства, удивительно быстро стал частью этого хаоса.

Познакомились мы в офисе, ещё до ремонта. Он был младше меня на пару лет, но в компании работал дольше, поэтому первое время смотрел на происходящее с выражением человека, давно выучившего местную флору, фауну и ядовитые виды проджектов. Мы сидели спиной друг к другу, и он был единственным из соседей, кто не пытался немедленно стать моим лучшим другом, не лез с вопросами про личную жизнь и не предлагал «как-нибудь всем отделом сходиться в бар».

Зато, когда я вставала на перекур, он молча поднимался следом, прихватывая сигареты и телефон. Первые пару недель мы почти не разговаривали. Курили у бизнес-центра, смотрели на людей, бегущих по своим очень важным де-

лам, и обменивались короткими комментариями, достаточно ядовитыми, чтобы понять главное: этот человек станет моим лучшим другом.

С этого, наверное, всё и началось.

Потом я сломала ногу, ушла на удаленку и, поправившись, обратно уже не вернулась. Формально мне разрешили работать из дома «на период восстановления», потом период восстановления плавно перетёк в «ну ты же всё закрываешь», а дальше в компании, где UX-аналитиков было всего пятеро, никто не стал геройствовать и требовать моего физического присутствия ради красоты офисной рассадки. Я осталась дома столько, сколько мне заблагорассудилось. То есть навсегда, если судьба не решит наказать меня особо изощренно.

Даня, в отличие от меня, офис почему-то любил. Не восторженно, конечно, до таких диагнозов он не доходил, но ездил туда регулярно, пил кофе с людьми, узнавал новости, собирал сплетни и приносил мне их вечером в переписке с видом человека, доставившего свежую прессу в отдаленную деревню.

Я не то чтобы просила. Но читала всегда.

Вареники всплыли, напомнив, что даже в мире людей и корпоративных чатов иногда случаются понятные процессы. Я выключила плиту, слила воду и выложила их в тарелку, добавив кусок масла.

«Ты сегодня душный».

«Я сегодня практичный».

«Это ещё хуже».

Пару минут он не отвечал. Я успела съесть три вареника, открыть лампу ещё раз, увеличить фото, уменьшить, представить её у стены и почти убедить себя, что Даня просто завидует чужой способности создавать уют из странных предметов.

Потом телефон снова мигнул.

«Чё делаешь?»

Я посмотрела на тарелку, на открытую карточку лампы и на собственный вечер, состоящий из вареников, маркетплейса и попыток не думать о корпоративе.

«Пытаюсь поесть».

«Без сметаны?»

Я замерла.

«Откуда ты знаешь?»

«Потому что ты человек, который покупает всякую хрень, но забывает базовые продукты».

«Ненавижу тебя».

«Знаю».

«Сметаны нет».

«Я найду».

Я перечитала сообщение, медленно прожевывая вареник. Вроде бы обычная фраза, короткая и почти бытовая. Даня часто заходил ко мне после работы, особенно когда ехал из офиса и ему хотелось поесть не в одиночестве, а мне хотелось сделать вид, что я не ждала живого человека в своей

квартире.

«Ты сейчас сам себя пригласил?»

«Да».

«Наглость растёт».

«Буду через полчаса. Сметана, вино, что-нибудь ещё?»

Я посмотрела на тарелку, потом на лампу, все еще открытую на экране.

«Что-нибудь нормальное к еде. И не бери салат с рукколой».

Пока Даня ехал, я успела доесть вареники, вымыть тарелку и ещё минут десять бессмысленно полистать маркетплейс, перескакивая с ламп на пледы, с пледов на керамические миски, с мисок на какие-то держатели для книг, которые мне, конечно, было уже некуда ставить. Вечер окончательно перешёл в состояние, когда человек ничего не ищет, но продолжает смотреть, потому что мозгу после рабочего дня нужен простой, безопасный мусор без дедлайнов и комментариев от проджекта.

Домофон зазвонил, когда я рассматривала набор стаканов, выбранных неизвестно зачем. Я посмотрела на экран телефона, на открытую карточку товара и закрыла приложение, решив, что сегодня с меня хватит пользовательских сценариев, интерьерных соблазнов и попыток доказать себе, что ещё одна красивая штука на полке решит хоть какую-то проблему.

— Поднимайся, — сказала я в трубку.

— Звучишь будто рада меня видеть.

Пока он ехал в лифте, я пособирала вещи, убрала телефон, поправила плед на диване и почти сразу испортила весь эффект, бросив его обратно удобнее. В конце концов, Даня видел эту квартиру в гораздо более сомнительных состояниях. Звонок в дверь прозвучал коротко, без этой раздражающей привычки давить кнопку до тех пор, пока хозяин квартиры не начинает ненавидеть гостя еще до встречи.

Я открыла.

Глава 3

Даня стоял на пороге с пакетом в одной руке и бутылкой вина в другой, высокий, худой, в темном тренче, которое на любом другом человеке выглядело бы попыткой казаться загадочным. На нём оно смотрелось нормально, что раздражало отдельно. У него вообще была внешность, к которой сложно было придраться без ощущения собственной несправедливости: острые, почти модельные черты лица, выразительные скулы, прямой нос, внимательный взгляд и губы, постоянно находящиеся в состоянии готовности сказать какую-нибудь гадость.

Каштановые волосы лежали в небрежном беспорядке, закрывая часть лба и создавая то самое впечатление, ради которого нормальные люди тратят утром двадцать минут перед зеркалом, а потом рассказывают, что «оно само». У Дани, скорее всего, тоже не само, но признался бы он в этом только под пытками, и то начал бы торговаться.

Я отступила в сторону, пропуская его в небольшую прихожую.

Даня протянул мне пакет, снял тренч и с хозяйским видом прошёл на кухню, даже не спрашивая, можно ли. Впрочем, спрашивать было уже поздно. За последние пару лет он успел выучить мою квартиру лучше некоторых родственников, зная, где лежит штопор, куда я убираю бокалы и поче-

му верхний свет включается только в случае серьёзного преступления, потерянной серёжки или необходимости посмотреть на жизнь без прикрас.

Я пошла следом, заглядывая в пакет.

Первой нашлась сметана. Я достала её с почти торжественным чувством человека, которому наконец привезли недостающий элемент цивилизации, и убрала в холодильник. Вареники, конечно, уже были съедены, но сам факт появления сметаны в доме всё равно немного примирял меня с действительностью.

Потом я начала доставать остальное.

Виноград. Сыр кубиками. Ассорти оливок. Темный шоколад с солью и чем-то хрустящим. Упаковка тонко нарезанного вяленого мяса, выглядящего так, словно оно презирает обычную колбасу по социальному признаку. Еще маленькие брускетты с какой-то намазкой, пахнущей дорого, травянисто и слегка подозрительно.

Я посмотрела на продукты, потом на Даню.

— Ты ограбил «Азбуку вкуса»?

Он, закатывая рукава худи, даже не смутился.

— Я купил нормальную еду.

— Даня, тут виноград, шоколад с солью и мясо, которое, кажется, закончило частную школу.

— А что я должен был взять? Крабовые палочки пятилетней давности, которые живут у тебя в холодильнике?

— Они у меня не живут.

— Уже хорошо.

— Ты сейчас очень уверенно оскорбляешь мой холодильник для человека, который пригласил сам себя.

Он усмехнулся, доставая из шкафа бокалы.

— Мне уже нравится. Я пришёл, спас тебя от смерти без сметаны и поднял уровень стола.

— Вареники я уже съела.

— Значит, спас посмертно.

Я выдвинула придиванный столик, и мы перенесли туда еду. Сыр, виноград, оливки, шоколад и странное вяленое нечто легли рядом с бокалами, создавая на фоне моего недавнего ужина из пачки вареников почти неприличный уровень эстетства. Даня устроился на диване, вытянув длинные ноги и взяв бокал так уверенно, словно это место давно числилось за ним.

Я села в своё привычное рабочее кресло, разложила подлокотники, поджала под себя ноги и наконец почувствовала, что вечер стал похож на вечер, а не на затянувшийся хвост рабочего дня, прилипший к полу и отказывающийся уходить.

Даня посмотрел на кресло, потом на меня, устроившуюся в нём с законным хозяйским удобством.

— Бля, почему нам в офис такие не купят?

Я усмехнулась.

— Потому что в офисе люди начнут чувствовать себя хорошо.

— Я бы в таком кресле даже на созвоны ходил с меньшей ненавистью.

— Опасно. Ещё начнёшь работать с удовольствием.

Он сделал глоток вина, откинулся на спинку дивана и вдруг кивнул куда-то в сторону, словно перед ним стояла не моя комната, а наша офисная рассадка.

— Кстати, твоё место всё ещё пусто, — сказал Даня, устроившись на диване так, словно окончательно решил пустить корни.

Я подняла на него взгляд.

— У окна?

— У окна, — он взял оливку, повертел её между пальцами и отправил в рот с видом человека, сообщающего почти трагическую новость. — Я его берегу взглядом.

— Надеюсь, не плачешь.

— Не заслужила.

Он потянулся за бокалом, сделал глоток и, немного помолчав, кивнул куда-то в сторону, хотя офиса, разумеется, в моей квартире не было. Просто Даня умел говорить о нём так, словно все его переговоры, столы и люди временно присутствовали рядом с нами, мешая нормально пить вино.

— Но на него уже поглядывает новенький.

— Какой ещё новенький?

— Да у нас новенький появился, — Даня взял кусочек сыра, задумчиво посмотрел на него и только потом съел. — Не совсем у нас, в другой команде. Но ходит рядом, значит,

уже почти проблема.

— Ты уже успел вынести приговор?

— Пока предварительно.

Он откинулся на спинку дивана, закинув руку на подлокотник, и провёл пальцами по своим каштановым волосам, приводя в порядок и без того художественный беспорядок.

— Волосы у него, кстати, нормальные, — сказал Даня. — Причёсончик даже клёвый.

Он потянулся за виноградом, выбрал ягоду и, закинув её в рот, продолжил уже с выражением человека, которому доверили важную сводку.

— Но вчера он пришёл в полосатом свитере.

Я ждала продолжения. Продолжения не было.

— И?

Даня посмотрел на меня так, словно я не уловила главного.

— Ульяна. Полосатый свитер.

Даня произнёс это с таким нажимом, словно одного сочетания слов уже было достаточно для обвинительного приговора. Потом взял кусочек сыра, задумчиво посмотрел на него и отправил в рот, явно давая мне время осознать масштаб офисной катастрофы.

— Я услышала.

— В офис, — добавил он, подняв палец с видом человека, уточняющего ключевую деталь.

— Люди приходят в офис в одежде.

— Да, но там был такой свитер...

Я фыркнула, а он довольно улыбнулся, засчитав это себе в маленькую победу. Даня вообще умел рассказывать офисную ерунду так, словно приносил из внешнего мира важные новости: кто в чём пришёл, кто с кем поругался на кухне, кто опять забыл кружку, кто занял переговорку и исчез, оставив после себя только бронь и общее раздражение.

Потом он действительно начал трещать обо всём подряд. Про новенького в полосатом свитере, про проджекта, который третий день обещал «быстро вернуться с апдейтом» и, видимо, ушёл возвращаться через другую вселенную. Про аккаунта, поссорившуюся с кофемашиной и написавшую в общий чат так, словно техника лично разрушила её карьеру. Про контейнер с гречкой в холодильнике, находившийся там достаточно долго, чтобы у него могла появиться собственная стратегия развития и отдельный бюджет на продвижение.

Я слушала, пила вино и иногда вставляла короткие комментарии. После рабочего дня, проведённого среди стерильных формулировок, возможность говорить нормально, зло и без необходимости оборачивать каждую мысль в безопасную корпоративную упаковку казалась почти роскошью.

Даня, конечно, считал себя источником этой роскоши. Что особенно неприятно, он был не так уж далёк от истины.

В какой-то момент он замолчал, покрутил бокал в пальцах и посмотрел на меня внимательнее обычного.

— А ты когда в офис вернёшься?

Я взяла оливку, хотя есть уже особо не хотелось, и пожала плечом.

— Никогда, скорее всего.

— В смысле никогда?

Он поставил бокал на столик, уже не глядя на еду. Тон изменился сразу, и я внутренне пожалела, что не успела перевести разговор обратно на свитер, гречку или любое другое офисное бедствие, не имеющее отношения ко мне.

— В прямом.

— Тебя когда-нибудь заставят, — сказал Даня, чуть наклонившись вперёд. — Ты сколько уже тут сидишь? Год?

— Примерно.

— Все ходят.

— Поздравляю всех.

Он прищурился, рассматривая меня поверх столика с сыром, виноградом и прочими доказательствами его гастрономического эстетства.

— У тебя лицо странное.

— У меня обычное лицо.

— Нет, — он медленно покачал головой. — Обычное у тебя, когда ты мысленно желаешь всем провалиться. Сейчас другое.

Я поджала губы и взяла ещё одну оливку, хотя первая не доставила мне никакой радости. Делать вид, что меня внезапно заинтересовала еда, было глупо, но иногда человеку требуется хотя бы формальная занятость рук.

— Ты уволишься?

— Даня.

— Что?

— Ничего я не говорила.

— Лицо сказало.

— У моего лица сегодня тяжёлый день.

— Ульяна.

Он произнёс полное имя, и это насторожило сильнее, чем любые сокращения. Полное имя у Дани означало, что он либо собирается издеваться особенно долго, либо уже что-то понял.

— Выкладывай.

— Нечего выкладывать.

— Тогда я сейчас HR напишу.

Он потянулся к телефону, лежавшему рядом с бокалом, и взял его слишком демонстративно. Угроза была идиотская, зато исполнена с такой уверенностью, что раздражала сильнее, чем заслуживала.

— Ты не знаешь нашего HR.

— Найду, — он разблокировал экран, не сводя с меня взгляда. — Я же езжу в офис, у меня социальные связи.

Он не убрал телефон, просто положил его экраном вверх на колено, оставив угрозу в рабочем состоянии. Невыносимый человек. И, к сожалению, достаточно внимательный, чтобы понимать, когда я начинаю уходить от ответа.

Я посмотрела на него, потом на бокал, потом на свою

квартиру, где ипотека присутствовала незримо, но очень уверенно. Скрывать дальше было глупо. Тем более от человека, который таскал сюда штукатурку, видел мои обои в период полураспада и однажды держал дверь ногой, пока я ругалась с курьером так, что, наверное, выросла в его глазах как личность.

— Мне предложили сходить на позицию аналитика в Яндекс.

Даня замер.

На секунду даже перестал выглядеть человеком, заранее готовым к насмешке. Телефон в его руке погас, не дождав-шись никакого HR, и это было почти трогательно.

— Охуеть.

— Примерно такая у меня была первая мысль.

— Прямо в Яндекс?

Он выпрямился на диване, уже полностью забыв и про новенького, и про полосатый свитер, и про собственную угрозу.

— Нет, Даня, в кружок юных аналитиков при библиотеке. Конечно в Яндекс.

— И ты молчала?

— Я жду оффер. Пока нечего рассказывать.

— Собес был?

— Был.

— И?

Он смотрел на меня так внимательно, что я почти физически почувствовала, как пытаюсь спрятаться внутрь собствен-

ного бокала.

— Нормально.

— У тебя «нормально» это что значит? — Даня наклонился к столику, взял виноградину, но так и не съел. — Они сидели и плакали от восторга или просто не выгнали?

— Что-то между.

— Значит, плакали.

Я закатила глаза, но улыбку не удержала.

Даня резко поднялся, взял бутылку и долил вино сначала мне, потом себе, действуя с таким видом, словно сейчас не просто наливал алкоголь, а официально запуская новую эпоху моей жизни. Он поднял бокал, глядя на меня с таким довольным выражением, что я неожиданно почувствовала, как внутри ослабло напряжение, державшееся с момента собеседования. Не до веры в светлое будущее и прочую мотивационную ерунду. Просто чуть легче. Достаточно, чтобы впервые за день признать, что новость, возможно, правда хорошая.

— За Яндекс, — сказал Даня.

— За возможный Яндекс.

— За возможный Яндекс, твою ипотеку и шанс свалить от этих людей.

Мы чокнулись.

Вино оказалось терпким и очень уместным. Даня сделал глоток, откинулся на спинку дивана и посмотрел на меня с тем выражением, после которого обычно следовала либо

нормальная мысль, либо полная чушь. Соотношение было нестабильным.

— Ну всё, — вынес он вердикт.

Я поставила бокал на пол у кресла и посмотрела на него с подозрением.

— Что «всё»?

— На корпоративе точно будем кого-нибудь тебе искать.

Он невозмутимо потянулся за виноградом, выбрал ягоду и закинул в рот.

— Даня.

— Что?

— Ты сейчас с кем разговаривал?

— С твоим светлым будущим.

— Мы пять минут назад обсуждали работу.

— Работу обсудили, — он пожал плечом, устраиваясь удобнее. — Теперь можно обсудить жизнь.

— Моя жизнь прекрасно себя чувствовала без твоих инициатив.

— Ульяна, я тебя два года знаю.

— Повесь себе медаль.

— И всё это время ты одна.

Он сказал это без нажима, почти спокойно, но всё равно попал точно туда, куда целиться было не обязательно.

Я взяла бокал, сделала глоток и на секунду задумалась. Не потому что он сказал что-то новое. Даня вообще редко открывал во мне неизвестные территории, чаще наступал на

уже отмеченные красным места и потом делал вид, что оказался там случайно. Но в этот раз я не успела ответить привычной гадостью.

Он заметил паузу первым.

— Слушай, — сказал он, чуть прищурившись. — А может, ты по девочкам?

Я чуть не подавилась вином.

— Чего?

— Ну а что? Я не осуждаю, — он примирительно поднял свободную руку. — Просто уточняю картину мира.

— Бля, Даня, нет.

— Точно?

Я посмотрела на него поверх бокала. Даня, к удивлению, не улыбался. Сидел на диване, держа в руке виноградину, и молчал, словно действительно ждал ответа, а не просто пытался добить меня очередной идиотской гипотезой.

И именно это молчание почему-то оказалось хуже любой шутки.

— У меня был парень, — сказала я вдруг.

Сама не сразу поняла, что произнесла это вслух. Даня замер. Виноградина осталась у него между пальцами, забытая и уже ненужная.

— Серьёзно?

— Нет, сейчас самое время шутить про вымышленного мужика.

Он ничего не ответил, только чуть выпрямился, перестав

выглядеть расслабленным человеком с вином на чужом диване. Внимание у него стало другим. Не любопытным, не сплетническим, а очень осторожным, почти непривычным для Дани.

Я наклонилась, поставила бокал на пол рядом с креслом и провела ладонью по колену, собираясь с мыслями. Рассказывать не хотелось. Не потому что я не доверяла ему. Просто некоторые истории, однажды пережёванные, проглоченные и спрятанные куда-то глубоко внутрь, не становятся удобнее от того, что их снова достаёшь на свет.

— Ты же не знаешь, как я ногу сломала?

Даня медленно покачал головой.

— Ты говорила, что сломала. Без подробностей.

— Ну да. Подробности я обычно не рекламирую.

Я кивнула сама себе, хотя кивать было особенно некому. Просто телу иногда нужно сделать хоть что-то, когда слова идут слишком медленно.

— Мы ехали за город. Не помню уже зачем, если честно. То ли к его друзьям, то ли просто кататься, потому что была весна, он любил такие внезапные идеи, а я тогда ещё почему-то считала внезапность романтической чертой, а не предвестником проблем.

Я усмехнулась, но звук вышел сухим, почти чужим. Даня молчал.

— Машину занесло. Дальше всё кусками. Свет фар. Удар. Запах пластика. Кто-то кричал. Я потом долго не могла нор-

мально переносить сирены. Даже скорую во дворе слышала, и сразу становилось мерзко, где-то под кожей.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы лежали на подлокотнике спокойно, почти прилично. Удивительно, как хорошо человек умеет выглядеть нормальным, рассказывая о том, после чего нормальность вообще-то должна была закончиться.

— Мне повезло, — сказала я наконец. — Я выжила и всего лишь сломала ногу. Ну, ещё там по мелочи, но нога была главным развлечением на ближайшие месяцы. Врачи потом так и говорили: вам очень повезло.

Даня сглотнул.

— А он?

Я подняла на него взгляд.

— А он нет.

В комнате стало тихо. Не уютно-тихо, с гирляндами, вином и зелёным диваном, а иначе. Тяжелее. Даже холодильник на кухне загудел слишком громко, решив неудачно вступить в разговор. Даня медленно выдохнул и поставил свой бокал на столик.

— Бля, Ульянов... Прости. Я не знал.

— Ну да, — я пожала плечом. — Никто особо не знает.

— Почему?

— А что бы это изменило? Мне выдали бы специальный статус? «Осторожно, у сотрудника травматичный бэкграунд, не предлагать игры на знакомство»?

Он не улыбнулся, хотя раньше точно бы зацепился за формулировку.

— Ты могла сказать.

— Могла.

— И?

— И не сказала.

Я наклонилась, подняла бокал с пола, но пить не стала. Просто держала его в руке, глядя на темное вино, в котором отражались маленькие тёплые огни гирлянд. Всё выглядело до неприличия красиво для разговора, который лучше бы никогда не начинался.

— Удалёнка тогда была очень удобным решением, — продолжила я. — Сначала потому что я физически не могла нормально ездить. Потом потому что все привыкли. А потом я поняла, что мне и не хочется обратно. В офис, в дорогу, в людей, в эти разговоры у кофемашины, где надо стоять и изображать живой интерес к чужим выходным.

Я усмехнулась, уже привычнее.

— Так что да. Сломанная нога стала официальной причиной. А всё остальное просто аккуратно легло сверху.

Даня смотрел на меня уже совсем иначе. Без этой своей вечной насмешливости, без желания тут же что-то подкрутить, назвать, высмеять, привести к удобной форме. От этого становилось неловко.

— Я даже представить не могу, что ты чувствовала, — сказал он.

— Нормально, — ответила я слишком быстро.

Даня чуть склонил голову.

— Ульяна.

Полное имя прозвучало мягко, и от этого стало ещё хуже.

Я выдохнула, отводя взгляд.

— Не нормально, конечно. Но уже... приемлемо. В смысле, я живу. Работаю. Плачу ипотеку, покупаю дурацкие лампы, ругаюсь на проджектов, ем вареники без сметаны. Функционирую, если выразаться языком людей, которые любят делать вид, что всё можно описать нормальным термином.

Он молчал, не перебивая.

— Просто мне пока не до того, чтобы, как ты выражаешься, присматривать себе мужика. Не потому что я по девочкам. Не потому что я такая загадочная и сложная, хотя, конечно, звучит красиво. Просто я уже однажды впустила человека достаточно близко, а потом всё закончилось машиной, больницей и словами «вам очень повезло». После такого немного сложнее радостно идти на корпоратив и выбирать кого-нибудь между тостами и салатом с майонезом.

Даня опустил взгляд на свои руки, потом снова посмотрел на меня.

— Я правда не знал.

— Я знаю.

— Я бы не шутил.

— Шутил бы, — сказала я, чуть улыбнувшись. — Просто аккуратнее.

Он тоже слабо усмехнулся, но улыбка быстро сошла. Несколько секунд мы сидели молча. Вино стояло на столике, шоколад начал чуть таять на тарелке, виноград выглядел оскорбительно нарядным для такого разговора. Даня наконец отложил несъеденную ягоду и потёр ладонью лицо, сбивая с себя растерянность.

— Я понял, — сказал он тихо. — Тогда без моих дурацких выходовок.

Я подняла на него взгляд.

— Совсем без?

— Ну... без самых дурацких.

— Щедро.

Он осторожно улыбнулся, поймав, что я всё-таки отвечаю.

— Сходим, напьёмся, повеселимся по мере сил и разъедемся по домам. Без кастингов, без поисков мужика, без вот этого всего.

— Звучит почти приемлемо.

— Вот. Я могу быть нормальным.

— Иногда.

— Не обесценивай мой рост.

Он замолчал на пару секунд, видимо, соображая, можно ли уже снова шутить или ещё рано. Ситуация была из тех, где любой человек с минимальным чувством самосохранения выбрал бы молчание. Даня, конечно, относился к самосохранению как к рекомендательной функции.

— Мне, кстати, сегодня сказали, что там, возможно, бас-

сейн будет.

Я посмотрела на него.

Он сидел с совершенно серьёзным лицом, старательно делая вид, что только что не свернул разговор с мёртвого парня на корпоративный бассейн.

Я не выдержала и засмеялась. Сначала коротко, почти сдавленно, потом уже нормально, уткнувшись взглядом в бокал.

Даня заметно расслабился.

— Вот, — сказал он, оживляясь. — А ты ещё не хотела ехать. Загородный дом, алкоголь, бассейн. Полный набор для того, чтобы кто-то из отдела разработки совершил ошибку века.

— Если кто-то полезет в бассейн пьяным, я буду сидеть рядом и молча наблюдать за естественным отбором.

Он рассмеялся, окончательно возвращаясь в привычный ритм. Потом начал рассказывать про своё новое увлечение какими-то винтажными зажигалками, которые, по его словам, были «маленькими произведениями инженерной мысли», а по моему предварительному заключению — очередным способом тратить деньги на предметы, нужные один раз в год и то при наличии сигарет, настроения и ветра в правильную сторону.

Глава 4

Следующие полтора месяца прошли быстрее, чем мне хотелось бы.

Июнь наступил незаметно. Сначала я просто чаще открывала окно во время работы, потом начала выходить на улицу после шести, а потом вдруг обнаружила себя на смотровой площадке с телефоном в руке, фотографирующей очередной закат так старательно, словно от этого зависело состояние мировой культуры.

Москва летом умела быть убедительной. Днём она всё ещё шумела, пылила, ругалась машинами и людьми, но к вечеру становилась мягче. Дома ловили на окнах золотой свет, небо вытягивалось над крышами длинными розовыми полосами, и даже самые обычные улицы начинали выглядеть так, будто им дали шанс на приличную биографию.

Я гуляла без особого плана. Могла выйти за кофе на вынос, пройти одну станцию пешком, потом ещё одну, потом свернуть к воде, подняться куда-нибудь повыше и зависнуть там минут на двадцать, делая фотографии. Закатов у меня накопилось столько, что телефон уже почти наверняка считал меня человеком с проблемами. Кто бы знал, сколько одинаково прекрасного неба я хранила на Яндекс Диске, аккуратно складывая в папки то, что нормальный человек давно бы удалил.

Но нормальные люди вообще многое делают странно.

С Даней мы тоже стали чаще гулять. Он писал после работы короткое «кофе?» и через полчаса уже ждал меня где-нибудь у метро, высокий, худой, с этим своим вечным видом человека, который вышел не просто на улицу, а слегка украсить городское пространство. Мы брали кофе на вынос, шли по бульварам, спорили о еде, офисе, чужой одежде и о том, является ли мой отказ от лишних социальных активностей характером или диагнозом.

Иногда мы фотографировали друг друга. Даня делал это раздражающе хорошо, выбирая момент так, что на снимках я выглядела спокойной, уверенной и даже местами довольной жизнью. То есть человеком, которого, по моим данным, в тот период не существовало. Я снимала его в ответ, чаще всего исподтишка, когда он поправлял волосы, смотрел на витрину или закатывал глаза на очередную мою фразу. Потом отправляла ему фотографии с подписями, после которых он обещал больше никогда со мной не гулять.

Обещания, к счастью, выполнял так же надёжно, как большинство проджектов оформляет вводные.

Работа тем временем шла своим ходом. Задачи сменяли друг друга, клиенты хотели понятнее, быстрее, проще и желательно без неприятного этапа, на котором нужно что-то менять. Я писала отчёты, смотрела прототипы, ходила на созвоны и всё чаще ловила себя на мысли, что делаю это уже с внутренним запасным выходом.

Яндекс всё-таки прислал оффер.

Письмо пришло в будний день, между двумя рабочими задачами и сообщением от проджекта, который снова хотел «чуть-чуть расширить исследование», не расширяя сроки. Я открыла письмо, прочитала его один раз, потом второй, потом встала, дошла до кухни, налила воды и прочитала ещё раз.

Цифры были на месте. Условия тоже. Дата выхода обсуждалась.

Мы договорились на середину июля.

До этого мне предстояло поговорить с руководителем, написать заявление, отработать положенные две недели и вести себя как взрослый профессиональный человек, уходящий спокойно и без выражения лица «ну наконец-то». Последнее, как обычно, казалось самой сложной частью процесса.

На фоне всего этого корпоратив стал выглядеть ещё более лишним. Я уже почти решила отказаться, придумав достаточно вежливую формулировку, чтобы никто не полез уточнять, что именно случилось с моей способностью приехать в субботу за город и радоваться командному взаимодействию.

Даня, разумеется, вмешался.

Он сказал, что нельзя уходить из компании без финального выездного пиздеца. Я сказала, что очень даже можно, особенно если у человека есть дом, плед и остатки уважения к себе. Даня ответил, что уважение к себе мы обсудим после

бассейна.

Бассейн стал главным аргументом. Точнее, не сам бассейн, а возможность несколько недель подряд обсуждать, будет ли он вообще, стоит ли брать купальник и кто первым совершит ошибку, полезши туда после вина.

В какой-то момент я поняла, что уже не спорю, ехать или нет. Я спорю только о купальнике. Это был плохой знак.

За это время в моей жизни появился тот самый «полосатый свитер», почему-то очень не нравившийся Дане.

Сначала он существовал исключительно в пересказах. Новенький. Тот, который ходит мимо его стола. Тот, у которого нормальные волосы. Тот, который однажды пришёл в офис в полосатом свитере и тем самым, судя по реакции Дани, нарушил какой-то негласный договор между человеком, погодой и здравым смыслом.

Я, конечно, не могла не пользоваться ситуацией.

Однажды, когда мы шли по набережной с кофе, Даня снова упомянул новенького, уже безо всякой необходимости. Просто вставил его в разговор, как человек, считающий, что делает это незаметно.

— Может, дело не в свитере? — спросила я.

— А в чём?

— В конкуренции.

— Какой ещё конкуренции?

— За лучшую причёску в офисе.

Даня посмотрел на меня с таким выражением, будто я

только что сказала редкую глупость и он даже немного мной разочарован.

— У меня нет конкуренции.

— Конечно.

— Что «конечно»?

— Ничего. Просто человек, уверенный в себе, обычно не докладывает мне месяц про чужие волосы.

— Я не докладываю.

— Ты сам начал.

— Потому что он ходит мимо моего стола.

— С волосами.

— Ульяна.

Я улыбнулась в стакан с кофе. Полное имя означало, что попала.

Полосатый свитер оказался парнем по имени Артём. К концу своего второго месяца работы он добрался и до моего отдела. Он был проджектм, вёл крупного клиента и, когда клиенту не хватало данных, проверок или понятного объяснения, ставил задачи разным командам. Иногда аналитикам. Иногда мне.

Первое сообщение от него я получила где-то в конце мая и едва не упала со стула.

«Привет, Ульяна. Поставил задачу по сценарию регистрации. Ссылка: ... Вводные и вопросы внутри. Если что-то непонятно, лучше пиши в комментариях к задаче, чтобы всё осталось в одном месте».

Я перечитала сообщение два раза.

Открыла задачу.

Пробежалась глазами по описанию, вернулась к сообщению и перечитала его ещё раз, уже с тем недоверием, с каким люди проверяют слишком выгодные условия мелким шрифтом.

— Господи, я хочу за тебя замуж, — сказала я вслух.

К счастью, работала я дома, поэтому свидетелем этого маленького профессионального унижения стал только ноутбук. Ноутбук, в отличие от людей, умел молчать, за что я ценила его всё больше.

В задаче было всё: нормальные вводные, ссылка на прототип, описание текущего сценария, цель, ограничения, вопросы к аналитике и отдельный блок с тем, что важно проверить. Там даже не было этого прекрасного «посмотри, пожалуйста», после которого обычно выяснялось, что смотреть нужно на всю жизнь проекта, начиная с момента его зачатия.

Я открыла материалы, проверила ссылки, пролистала описание ещё раз и впервые за день не почувствовала желания задать уточняющий вопрос с подтекстом «вы вообще сами понимаете, чего хотите?».

Передо мной лежала нормальная задача. Редкое явление. Почти природное.

Я вернулась в чат и написала:

«Привет. Посмотрела, задачу забрала в работу».

Отправив сообщение, я ещё пару секунд смотрела на

экран, ожидая подвоха. Подвох не пришёл. Артём не прислал голосовое, не написал следом «давай быстро созвонимся» и не начал уточнять в личке то, что уже лежало в задаче.

Он просто дал мне работать.

Я закрыла чат, открыла материалы и занялась задачей, почти не испытывая желания кого-нибудь мысленно уволить. Для конца мая это уже было неплохим достижением.

Параллельно я понемногу готовилась к увольнению.

Слово «готовилась» звучало слишком уверенно для человека, который трижды открывал черновик заявления, смотрел на пустую страницу и закрывал её обратно. Оффер уже был, дата выхода в Яндекс тоже, но сказать вслух «я ухожу» оказалось сложнее, чем я рассчитывала. На уровне логики всё было ясно: нормальная возможность, хорошие условия, новый этап, взрослая жизнь, все дела. На уровне тела хотелось отложить разговор ещё на день, потом ещё на один, а потом, желательно, дожидаться вмешательства высших сил, которые сами аккуратно сообщат руководителю, что Ульяна больше не ваша.

Я решила поговорить после корпоратива.

Так было проще. Сначала съездить за город, пережить командное взаимодействие, бассейн, алкоголь, людей, которым внезапно захочется узнать друг друга получше, а уже потом официально портить всем настроение своим уходом. Объявить об увольнении до корпоратива и потом ехать со всеми в одном трансфере казалось отдельной формой неловкости.

Мне хватало обычных.

За день до выезда я решила обновить цвет волос.

Бордовый на моём каре держался красиво, но капризно, постепенно вымываясь в какой-то уставший красноватый оттенок. В обычный день я бы ещё неделю делала вид, что так и задумано, но корпоратив требовал хотя бы минимального уважения к собственному отражению. Раз уж меня вывозят за город к людям, пусть люди страдают при нормальном цвете волос.

Я разложила в ванной перчатки, старое полотенце и оттеночное средство, которое пахло химией, обещаниями и слабой надеждой на «насыщенный холодный вишнёвый». На коробке, конечно, всё выглядело прекрасно. На коробках вообще часто прекрасно. Особенно у краски для волос, уходовой косметики и корпоративных мероприятий.

Телефон завибрировал, когда я уже нанесла средство на половину головы.

Даня.

«Чё делаешь?»

Я прочитала сообщение, глядя на себя в зеркало. Вид у меня был боевой: одна сторона головы уже тёмно-вишнёвая, вторая ещё пыталась жить прошлой жизнью.

«Крашу волосы».

Ответ пришёл почти сразу.

«Перед корпоративом?»

«Да».

«Ну ты смелая».

Я хмыкнула и, придерживая телефон чистым краем ладони, ответила:

«А что не так?»

Пока он печатал, я продолжила распределять краску по волосам, стараясь не заляпать ухо, раковину и половину ванной. Получалось с переменным успехом. Красный цвет вообще не про аккуратность. Он сразу ведёт себя так, словно пришёл захватывать территорию.

«В басик тебя не пущу».

Я уставилась в экран.

«Почему это?»

«Потому что мы все в борще будем плавать».

Я рассмеялась, чуть не уронив кисть в раковину.

«Не окрасится вода».

«Ты уверена?»

Я посмотрела на тёмно-вишнёвые разводы на перчатках, на раковину, которую уже нужно было срочно спасать, и на полотенце, давно потерявшее право называться вещью приличного человека.

«Ты мне мешаешь быть красивой».

«Тогда не мешаю. Потом скинешь».

Я отложила телефон и закончила окрашивание, аккуратно собирая волосы зажимом и вытирая пятна с виска. Через полчаса вода в ванной действительно уходила в слив таким оттенком, будто я не обновляла цвет, а заметала следы

преступления. Красные волосы всегда требовали от человека готовности жить с ощущением, что каждая помывка головы может вызвать вопросы у неподготовленных свидетелей.

Когда я высушила каре и посмотрела в зеркало, настроение всё-таки стало лучше. Цвет лёг ровно: глубокий, вишнёвый, плотный, с холодным блеском у корней и тёплыми вспышками на концах. Лицо сразу стало резче, глаза заметнее, а весь образ собраннее. Неприятно признавать, что иногда банальная тонировка работает лучше любых попыток разобраться в себе, но факты, как пользователи на интервью, любят портить красивую теорию.

Я сделала фотографию у зеркала и отправила Дане.

Он ответил через минуту:

«Норм».

Я посмотрела на экран.

«Норм?»

«Красиво».

Я даже немного растерялась. От Дани прямой комплимент без предварительного издевательства выглядел подозрительно, почти как письмо от проджекта с нормальными вводными.

Следом пришло ещё одно сообщение:

«Но бассейн всё равно под угрозой».

Вот теперь всё встало на место.

Вечером я долго не могла уснуть.

Свежетонированные волосы пахли сладко, химически и

слишком уверенно для человека, который сам уверенности в себе на завтра не заказывал. Бордовая прядь упала на подушку, яркая даже в полумраке, и я почему-то смотрела именно на неё, хотя думала совсем о другом.

О завтрашнем дне. О корпоративе, от которого я уже не отказалась.

Странно, конечно, бояться не самого события, а собственной реакции на него. Загородный дом, коллеги, алкоголь, бассейн, какие-то разговоры, которые к вечеру обязательно станут громче, чем надо. Ничего смертельного. Максимум неловкого, раздражающего и потенциально стыдного, если кто-нибудь решит, что командный дух лучше всего раскрывается через игры, тосты и внезапную душевность.

Я могла пережить это. Теоретически.

Практически я лежала и мысленно проверяла всё заранее. Что надеть. Что взять. Где будет мой телефон. Насколько быстро можно вызвать такси. Уедет ли Даня раньше или останется до конца. Можно ли будет выйти на улицу, если внутри станет слишком шумно. Как сделать так, чтобы не оказаться в центре чужого внимания. Как не выпить лишнего. Как не сказать лишнего. Как не дать кому-то подойти ближе, чем я успею понять, что происходит.

Я всегда так делала. Заранее прокладывала маршруты, держала в голове запасные варианты, прикидывала выходы. Сначала это касалось дорог, потом мероприятий, потом людей. Очень удобно, если не задумываться, что в какой-то мо-

мент осторожность перестаёт быть заботой о себе и становится способом не жить лишний раз.

Когда-то мне нравились внезапные поездки, чужие идеи, ночные разговоры в машине, планы, придуманные за пять минут до выхода. Тогда это казалось лёгкостью. Свободой. Чем-то живым, что отличает настоящую жизнь от расписания, где всё заранее подписано и согласовано.

Потом была дорога. Фары. Удар. Запах пластика. Стекло. Голоса, в которых было слишком много паники. Боль, ставшая вдруг не частью тела, а всем телом сразу. Белый потолок, больничный запах и лица людей, пытавшихся говорить мягко, потому что мягкость, видимо, должна была как-то помочь там, где уже ничего не помогало.

Мне говорили, что я должна радоваться. Не такими словами, конечно. Люди редко бывают настолько честными. Они говорили: «Тебе очень повезло». Говорили осторожно, с облегчением, с этим выражением на лицах, после которого хочется кивнуть и не спорить. И формально они были правы. Я выжила и всего лишь сломала ногу. Всего лишь. Удобная фраза, в которую почему-то не помещались месяцы восстановления, страх резкого торможения, сирены за окном и ощущение, что часть меня так и осталась в той машине, хотя в выписке об этом, разумеется, ничего не писали.

Ему не повезло. Вот и вся разница.

Два человека в одной машине, одна дорога, один удар. Один потом учится заново ходить, злится на костыли, нена-

видит лестницы, привыкает к чужим осторожным взглядам и однажды возвращается домой. Второй не возвращается никуда.

Я долго пыталась найти для этого нормальное место внутри себя. Такое, чтобы оно не мешало дышать, работать, разговаривать, смеяться над чужими идиотскими сообщениями и жить дальше без постоянного ощущения, что жизнь досталась мне по ошибке. Разумом я понимала всё. Я не виновата. Я ничего не могла сделать. Я не выбирала. Я не управляла. Я не меняла местами жизнь и смерть, как карточки на столе.

Разум вообще часто говорит правильные вещи. Жаль только, что боль его почти не слушает.

Она со временем стала тише, но не ушла. Просто научилась ждать. Днём я могла быть нормальной, даже убедительно нормальной: красить волосы, отвечать на сообщения, выбирать купальник, шутить, строить планы, думать об увольнении. А ночью эта нормальность снималась, как макияж, и под ней оставалось то, что не получалось привести в порядок никакими привычными способами.

Я боялась близости.

Даже само слово звучало слишком большим и немного пошлым, как заголовок статьи, которую я бы закрыла после первого абзаца. Но другого точного слова не было. Я боялась не мужчин вообще, не свиданий как формата и не того, что кто-то окажется скучным, глупым или начнёт рассказывать про свои инвестиции через двадцать минут после зна-

комства. Это всё было неприятно, но переживаемо.

Я боялась, что человек станет важным.

Что сначала он просто появится рядом, потом окажется смешным, потом привычным, потом нужным в каких-то мелочах, которые нельзя заранее заметить. Его сообщения начнут менять настроение. Его голос станет узнаваемым с первого слова. Его присутствие начнёт что-то успокаивать внутри. А потом у него появится место в моей жизни, и это место уже нельзя будет просто убрать, если вдруг станет страшно.

Места, оставшиеся после людей, очень плохо зарастают.

Сначала кажется, что там пустота. Потом понимаешь, что пустота тоже имеет форму. Она цепляет за края, напоминает о себе в самые неподходящие моменты и занимает больше пространства, чем сам человек занимал при жизни. С этим, наверное, и была главная несправедливость: любовь может быть небольшой, бытовой, почти незаметной, а боль после неё вдруг оказывается огромной, с запасом, с процентами, как ипотека, только хуже.

Я усмехнулась, уткнувшись взглядом в темноту.

Даже тут умудрилась вспомнить ипотеку. Прекрасно. Стабильный взрослый человек, травма обслуживается по графику платежей.

С Даней всё было иначе. Он не появлялся в моей жизни как мужчина, которого нужно оценить, подпустить или вовремя отодвинуть на безопасное расстояние. Он сразу прошёл мимо этой категории, не заявляясь в список возможных

катастроф. Сначала был язвительным голосом рядом, потом человеком, с которым можно молчать без неловкости, потом тем, кто умел одной мерзкой фразой вытащить меня из состояния, где я уже третий час спорила сама с собой в голове.

Я никогда не думала о нём в этом ключе. Не из-за внешности или характера, с этим у него всё было раздражающе хорошо. Просто Даня занял место друга: мог разложиться на моём диване, спорить со мной из-за полной ерунды, присылать голосовые с пересказом офисного абсурда и не превращать своё присутствие в вопрос. Он не требовал от меня быть мягче, проще, теплее или понятнее, не смотрел так, чтобы мне хотелось срочно отступить, и не пытался сделать из нашей дружбы что-то большее, чем она была.

За это я держалась сильнее, чем готова была признать.

Даня был живым шумом, делавшим тишину переносимой. Его сарказм, внезапные предложения кофе, фотографии моей недовольной физиономии, споры про людей, еду и чужую одежду держали меня на плаву лучше любых разумных советов. С ним можно было быть резкой, уставшей, смешной, молчаливой или совсем никакой. Он всё равно оставался рядом, не делая из этого события.

С остальными так не получалось. Новые люди требовали решения, даже если сами об этом не подозревали. Ответить честно или шуткой. Подойти ближе или вовремя отступить. Оставить разговор лёгким или случайно позволить ему стать чем-то, что потом будет возвращаться в голову без пригла-

шения. Я почти всегда выбирала отступить, заранее называя это здравым смыслом.

Очень удобно, кстати. Если всё назвать здравым смыслом, можно годами не признаваться, что тобой управляет страх.

Люди вообще опасны не в тот момент, когда они явно лезут в душу. С такими проще: увидела, закрылась, ушла. Гораздо хуже те, кто входит незаметно, через обычные разговоры, общие шутки, случайные взгляды, привычку ждать ответа и желание рассказать какую-то мелочь именно ему. Сначала человек просто рядом, потом его голос становится знакомым, потом его сообщения начинают менять настроение, а потом у него уже есть место в твоём дне.

А место, однажды ставшее чьим-то, очень сложно снова сделать ничьим.

Именно поэтому я старалась держать дистанцию. Не холодную, не демонстративную, без трагичного взгляда в сторону горизонта. Просто удобную, аккуратную, заранее выверенную. Столько, чтобы можно было общаться, шутить, пить вино, работать, гулять, даже нравиться кому-то ровно до той границы, за которой начиналась настоящая уязвимость.

Завтра будет много людей. И, наверное, меня пугали не разговоры, не бассейн и не корпоративное веселье. Меня пугала возможность не заметить, как кто-то подойдёт ближе, чем я планировала. Засмеяться слишком честно. Сказать лишнее. Посмотреть дольше, чем нужно. Почувствовать что-то не согласованное с внутренней службой безопасности.

Не потерять контроль над вечером. Потерять контроль над собой.

Глава 5

Утром я встала раньше будильника, что само по себе выглядело подозрительно. Организм, обычно готовый торговаться за каждые лишние десять минут сна, внезапно решил проявить инициативу именно в день выездного корпоратива. Прекрасно. Даже тело, видимо, поняло, что нормальными способами от этого мероприятия уже не отвертеться.

Я полежала пару минут, глядя в потолок, потом всё-таки поднялась, накинула домашнюю футболку и пошла на кухню. Завтрак в моём исполнении состоял из бутерброда, съеденного стоя, и кофе, выпитого слишком быстро для человека, которому сегодня предстояло провести день среди коллег, алкоголя и обещанного бассейна. Желудок отреагировал без восторга, но с пониманием. Мы с ним давно работали в условиях сомнительных решений.

Рюкзак стоял у дивана с вечера. Городской, бежево-песочный, из плотной холщовой ткани, с кожаными вставками и таким видом, словно его покупали для лёгких поездок, прогулок и красивых фотографий, а потом начали забивать всем подряд. Внутри уже лежали мини-флаконы геля для душа и шампуня, расчёска, зарядка для телефона, духи, небольшая косметичка, влажные салфетки и таблетки, которые я брала с собой всегда, даже если ехала на два часа. Опыт учил: если не взять, обязательно понадобится. Если взять, будет ва-

ляться мёртвым грузом. Предсказуемость, конечно, приятнее боли.

Я ещё раз проверила вещи, добавила футболку и шорты для сна, постояла над рюкзаком пару секунд и положила сверху тонкую чёрную кофту. Ночёвка была «по желанию», но тратить почти два часа ночью на дорогу домой казалось отдельным видом кощунства. Особенно после вина, бассейна и людей, которые к вечеру, вероятно, начнут любить человечество громче обычного. С другой стороны, такси из загородного дома стоило бы примерно как маленькое преступление против личного бюджета, но если совсем прижмёт, я была готова на преступление.

Ноутбук стоял на столе у окна, закрытый и невинный. Я посмотрела на него слишком долго.

Взять или не взять?

Формально он мне был не нужен. Практически я знала себя: стоит положить ноутбук в рюкзак, и где-нибудь между ужином и чужим пьяным тостом я обязательно открою рабочую почту, просто на минутку. Потом посмотрю чат, потом отвечу на комментарий, потом сама себя возненавижу, но будет поздно.

Я решительно отвернулась от стола.

Ноутбук оставался дома. Пусть хотя бы один из нас проведёт субботу достойно.

В ванной я умылась, нанесла крем, долго смотрела на косметичку и в итоге выбрала самый безопасный вариант. Бор-

довую помаду достала, покрутила в руках и убрала обратно. С моими свежими вишнёвыми волосами и утренним корпоративным выездом она выглядела бы уже не как акцент, а как заявление. А заявлений на сегодня мне хватало и без губ.

Я нанесла блеск с лёгким ягодным оттенком, подкрасила ресницы, чуть прошла по бровям и добавила тонкий слой румян, чтобы лицо не выглядело так, словно меня везут не на корпоратив, а на очную ставку с HR. Волосы сначала легли сами, что было редким и, разумеется, кратковременным чудом. Я подкрутила концы, потом собрала верхние пряди в небольшой хвост на затылке, оставив у лица пару свободных прядей. Получилось чуть небрежно, но именно в той степени, ради которой, конечно, пришлось постараться.

Красное каре сразу стало живее. Вишнёвые пряди ловили свет у зеркала, открытая шея выглядела непривычно незащитно, а хвостик делал всю конструкцию менее торжественной и более пригодной для дня, в котором мне предстояло не только сидеть с бокалом, но и, возможно, изображать участие в командных развлечениях. От последней мысли я поморщилась и пошла одеваться.

Через десять минут я уже стояла перед зеркалом, натягивая рукав свободной рубашки, взятой на размер больше. Синие джинсы, чёрная майка на тонких бретелях, розово-коричневая клетка сверху, кеды у двери и городской рюкзак у ног. Ничего особенного, ничего нарядного, никакой попытки выглядеть человеком, который ждал этого дня. Просто

нормальная одежда для загородного дома, трансфера, чужих разговоров и потенциального желания сбежать раньше всех.

На меня смотрела обычная двадцатисемилетняя девушка. Светлая кожа, серо-зелёные глаза, чуть усталый взгляд, вишнёвое каре, собранное сверху в небольшой небрежный хвост, пара прядей у лица, блеск на губах и выражение человека, который уже морально устал от мероприятия, хотя ещё даже не вышел из квартиры.

Выглядела я нормально.

Даже хорошо, если не знать, сколько внутренних согласований потребовалось для этого «нормально».

Телефон завибрировал на комод.

«Блять, вставать в семь утра в субботу — это преступление против меня».

Я усмехнулась и отправила ему смеющийся смайлик.

Следом пришло:

«Купальник взяла?»

Я посмотрела на рюкзак.

«Слишком часто ты упоминаешь бассейн».

«Ой всё».

И следом он прислал стикер с закатанными глазами, который использовал каждый раз, когда хотел изобразить оскорблённую невинность.

Я убрала телефон в карман, застегнула рюкзак и обулась в кеды. Потом ещё раз проверила, закрыты ли окна, выключен ли свет в ванной и не забыла ли я что-нибудь важное, что,

конечно, всё равно вспомнится только в машине.

Перед выходом я задержалась у двери, положив ладонь на ручку.

Можно было ещё передумать. Написать, что заболела. Снять кеды, бросить рюкзак у дивана, налить себе кофе и провести день в полной безопасности собственной квартиры. Очень разумный, зрелый, почти идеальный план.

Я выдохнула, открыла дверь и вышла. К моему приезду у офиса уже собирались люди.

Они стояли небольшими группами у входа, курили у дорожки, перекладывали пакеты из одной руки в другую, держали кофе на вынос и периодически смотрели на телефоны, сверяясь то ли со временем, то ли с собственной готовностью провести субботу именно так. Кто-то был с рюкзаком, кто-то с пакетом из супермаркета, кто-то с маленьким чемоданом, что выглядело уже слишком серьёзной заявкой на ночёвку. Я, глядя на всё это, в очередной раз подумала, что корпоративы делают с людьми странные вещи. Вроде бы все взрослые, а со стороны ощущение, что нас собираются увезти в лагерь.

Автобус стоял чуть дальше, у обочины. Большой, уже открытый, с мутными окнами и видом транспорта, в котором обязательно будет душно, даже если водитель поклянется, что кондиционер работает. Несколько человек уже заняли места внутри, кто-то складывал вещи в багажный отсек, кто-то стоял рядом и обсуждал, как лучше ехать.

Я посмотрела на автобус и почти сразу поняла, что нет.

Даня стоял недалеко от крыльца с кофе в руке и, судя по лицу, пришёл к тому же выводу. Мы даже не стали это обсуждать. Иногда дружба экономит время на очевидных вещах.

Пока организаторы пытались понять, сколько людей всё-таки поедет автобусом, остальные начали устраивать собственную логистику. Кто-то предлагал скинуться на такси, кто-то писал в общий чат, у кого есть свободные места, кто-то уже договаривался с коллегами, приехавшими на машинах. Обещанный трансфер постепенно превращался в живой квест, где главной целью было не оказаться в душном автобусе с человеком, который решит включить музыку для настроения.

Даня справился быстрее остальных. Он переговорил с парнем из своей команды, вернулся ко мне и коротко сказал, что мы едем с Лёней.

Лёня оказался высоким крупным парнем, то ли накачанным, то ли просто собранным природой в формате «может перенести шкаф и не спросить зачем». Я в таких тонкостях не разбиралась, поэтому мысленно записала его в категорию «мощный» и решила не усложнять. За рулём он выглядел уверенно, что было уже приятным бонусом к отсутствию автобуса.

В итоге мы поехали вчетвером: Лёня за рулём, рядом с ним тихий парнишка из соседнего отдела, явно попавший

под раздачу свободных мест, а мы с Даней сели сзади. Я устроила рюкзак под ногами, пристегнулась и посмотрела в окно. Утро всё ещё казалось слишком ранним, люди у офиса продолжали что-то переносить, махать руками и спорить с багажом, а я впервые за день почувствовала, что решение не ехать в автобусе было почти лечебным.

Навигатор обещал пробки, но Лёня относился к ним без уважения. Он уверенно уходил с основных дорог, выбирал какие-то объезды через частный сектор, заправки, узкие улицы и повороты, которые обычный человек заметил бы только в состоянии отчаяния. Даня пару раз что-то одобрительно прокомментировал, тихий парнишка впереди молчал, а я сначала смотрела в окно на город, потом на деревья, заборы и вывески с шашлыком, а потом незаметно для себя задремала.

Проснулась я уже на месте, когда машина остановилась во дворе, а Даня тронул меня плечом.

— Приехали.

Я открыла глаза, провела рукой по волосам, проверяя, не превратилось ли каре за дорогу в отдельное архитектурное заявление, и выбралась из машины.

Дом оказался большим, светлым, с тёмной крышей, высоким крыльцом и широким мощёным двором. Во дворе уже стояли машины, у входа мелькали коллеги, кто-то курил у забора, кто-то тащил пакеты, кто-то фотографировал фасад, хотя дом был не достопримечательностью, а арендованным

коттеджем, которому просто не повезло принять нас на сутки.

Я поправила рубашку, закинула рюкзак на плечо и пошла к входу вместе с остальными.

Внутри был большой холл. Справа находилась кухня-столовая, откуда пахло кофе и чем-то сладким. Впереди была просторная комната, которая могла бы служить гостиной, если бы в центре не стоял бильярдный стол. Рядом были камин, пара диванов, кресла и большие окна. Слева уходил длинный коридор с четырьмя дверями, а дальше, судя по влажному запаху хлора, начиналась территория бассейна. Значит, Дания месяц страдал не зря.

На второй этаж вела лестница. Наверху был круглый коридор со спальнями, дверями и перилами, за которыми уже кто-то ходил, выбирая себе место для ночёвки. Дом был большой, но людей тоже хватало, поэтому я сразу поняла: если сейчас не решить, куда деть рюкзак, потом мои вещи будут жить где-нибудь между диваном, пакетом с чипсами и чужим полотенцем.

Я стояла в холле, пытаюсь понять, кого спросить, когда ко мне почти бегом подошла Аня из HR.

Аня была весёлая, полноватая, в очках, с распечатанным списком в руках и тем выражением лица, с которым люди искренне верят, что всё организовано нормально, даже если вокруг уже начинается небольшой хаос.

— Ульян, я тебя ищу!

— Звучит тревожно.

— Наоборот. Я знаю, как ты любишь одиночество, поэтому у тебя маленькая комната на первом этаже. На одного.

Я посмотрела на неё и, кажется, впервые за утро искренне обрадовалась человеку из HR.

— Аня, спасибо.

— Я знала, что ты оценишь. — Аня рассмеялась и протянула мне ключ. — Первая дверь слева по коридору. Оставляй вещи и приходи на кухню. Кофе уже есть, еда будет позже.

— Ты сегодня мой любимый человек.

— Запомню. Обычно от тебя такого не услышишь.

— Обычно ты не выдаёшь мне отдельную комнату.

Она снова засмеялась и убежала к следующей группе людей, уже споривших у лестницы, кому куда идти.

Комната оказалась небольшой, но мне сразу понравилась. Если мысленно встать в дверях, прямо напротив было окно с плотными коричневыми шторами и светлой тюлью, под ним стояла широкая кровать с мягким бежевым изголовьем и тёмным покрывалом. По бокам приткнулись две тумбочки, у стены справа стоял шкаф с закруглённой дверцей, и всё это выглядело без особых претензий, но вполне прилично: чисто, спокойно, без попытки поразить человека роскошью цвета «сдаётся посуточно для особых случаев». Бежевые стены, ламинат, маленькая картинка над кроватью, ровный верхний свет. Ничего выдающегося, но в этом и был плюс.

Особенно мне понравилось, что у комнаты была отдельная ванная. Сразу у входа, за своей дверью, что автоматически поднимало ценность этого помещения в моих глазах примерно вдвое. Возможность не ходить ночью через полдома с полотенцем, шампунем и лицом человека, который просто хотел умыться в тишине, уже делала эту комнату лучшей в доме. После холла, голосов и перспективы провести сутки среди коллег это выглядело почти роскошью.

Я поставила рюкзак у шкафа, сняла рубашку, потом подумала и надела обратно. Без неё было слишком открыто, а день только начинался. Из окна было видно двор: Лёня всё ещё доставал что-то из багажника, Даня стоял рядом с ним и, кажется, уже что-то комментировал, кто-то из девушек фотографировался у крыльца, а у забора курили трое людей с лицами, на которых читалось правильное отношение к корпоративам.

Я стояла у окна ещё несколько секунд, глядя на двор, людей, машины и чужие пакеты у крыльца. Можно было сколько угодно делать вид, что я просто приехала оставить вещи и переждать день в отдельной комнате, но дом уже шумел, пах кофе, дымом и чужим энтузиазмом.

Корпоратив, к сожалению, начинался.

Глава 6

Корпоратив начался, но пока больше походил не на мероприятие, а на коллективное освоение территории.

У входа нас, к моему отдельному раздражению, заставили разуться. Об этом, разумеется, заранее никто не предупредил. Я надела самые белые носки из тех, что были чистыми и подходили под кеды, и через десять минут они уже перестали быть белыми, став документальным подтверждением того, что в загородных домах полы моют либо перед фотографиями для объявления, либо никогда.

Я вернулась обратно в холл, оставив рюкзак в комнате и мысленно пообещав себе вернуться туда при первом же признаке командной игры. Внизу уже стало шумнее. Кто-то заносил пакеты с едой, кто-то искал нож, кто-то пытался понять, где лежат салфетки, а кто-то просто стоял посреди холла с лицом человека, который приехал, но ещё не решил, зачем.

Даню я нашла в большой комнате с бильярдным столом. Он стоял рядом с Лёней и тем самым тихим парнишкой из машины, держа в руках стакан с кофе, который, судя по виду, уже успел остыть и потерять смысл. Разговор, конечно, был о работе. Потому что если вывезти офис за город, налить людям кофе и поставить рядом бильярдный стол, они всё равно первые полчаса будут обсуждать задачи, сроки и

тех, кто не отвечает в чатах.

Я подошла как раз в тот момент, когда Лёня говорил что-то про клиента, который «сам не понимает, чего хочет, но очень уверенно недоволен».

— А ты тоже проджект? — спросил он, повернувшись ко мне.

— Боже упаси.

Даня фыркнул в стакан, тихий парнишка впервые подал признаки жизни и улыбнулся, а Лёня рассмеялся так громко, что кто-то у кухни обернулся.

— Жёстко.

— Реалистично, — сказала я. — Я аналитик.

— UX?

— Он самый.

Лёня кивнул с выражением человека, который вроде бы услышал знакомые буквы, но всё равно не до конца понял, что с ними делать.

— Круто. Я, если честно, никогда не понимал, как вы это делаете.

— Что именно?

— Ну, смотрите на цифры, на то, куда пользователь нажимает, куда не нажимает, а потом делаете выводы. Он же просто человек. Может, он кофе пролил, отвлёкся или тупой.

Я посмотрела на него.

В голове сразу возникло несколько вариантов ответа, включая совсем короткий и не очень вежливый. Всё-таки

удивительная профессия проджект: человек ведёт клиента, разруливает задачи, собирает вводные, но при этом может искренне удивляться, что поведение людей о чём-то говорит. Впрочем, вслух я решила не начинать знакомство с образовательной программы.

— Читать людей по их действиям проще, чем кажется, — сказала я.

Лёня оживился.

— А меня можешь прочесть?

Даня повернул голову в мою сторону с выражением человека, которому уже нравится дальнейшее развитие событий.

Я посмотрела на Лёню. Крупный, довольный, с пустым стаканом в руке, стоящий в трёх метрах от кухни и периодически поглядывающий в сторону, откуда пахло чем-то съедобным.

— Я не гадалка, — сказала я. — Но думаю, как и все здесь, ты хочешь есть.

Лёня секунду смотрел на меня, потом снова рассмеялся.

— Справедливо.

На этом профессиональная дискуссия закончилась, что было к лучшему для всех участников. Я ещё немного посто-яла с ними, слушая, как разговор снова сползает к работе, а потом решила пройтись по дому. Не из любопытства, конечно. Просто человеку нужно понимать, где выходы, кухня, бассейн, двор и места, в которых можно спрятаться от слишком активных коллег. Совершенно нормальная, здоро-

вая привычка.

В бильярдной уже кто-то пытался играть, хотя по первому удару стало ясно: правила знают примерно полтора человека, остальные пришли красиво держать кий. На кухне несколько девушек раскладывали овощи, кто-то резал хлеб, кто-то спорил, куда поставить бутылки, а Аня из HR носилась между комнатами со списком, сохраняя бодрость, которая лично у меня закончилась бы ещё на этапе рассадки по машинам.

Бассейн действительно был. За стеклянной дверью, дальше по коридору. Голубая вода, плитка, влажный воздух и ощущение будущей человеческой ошибки. Я постояла у входа пару секунд, посмотрела на воду и решила, что пока мне достаточно визуального контакта. Купальник в рюкзаке лежал не зря, но признавать это вслух я не собиралась.

Большая часть людей постепенно стекалась на террасу. Там было прохладнее, пахло дымом, мясом и тем самым загородным оптимизмом, который у городских людей появляется сразу после слов «мангал уже разожгли». Кто-то жарил шашлыки, кто-то сидел за круглым столом с кофе и сигаретами, кто-то устроился в подвесных креслах, покачиваясь с таким видом, словно уже нашёл смысл поездки.

К трём часам дом окончательно перестал делать вид, что в нём есть порядок. Люди разложили вещи, переоделись, успели выпить кофе, трижды потерять и найти зарядки, обсудить бассейн и распределиться по интересам. Кто-то занял бильярдную, кто-то осел на кухне, а большая часть постепенно

потянулась на террасу, потому что там наконец начали возиться с мангалом

Я нашла свободное подвесное кресло на террасе и села, осторожно поставив ноги на перекладину. Кресло качнулось чуть сильнее, чем я рассчитывала, и на секунду мне пришлось вцепиться в боковую стойку, чтобы не начать корпоратив с эффектного падения на плитку. Было бы, конечно, запоминающе, особенно для человека, который приехал просто тихо пережить день, а не становиться частью чужих историй с формулировкой «помнишь, как Ульяна навернулась у мангала».

Я достала сигареты из кармана рубашки, прикрыла ладонью огонёк зажигалки от ветра и закурила. Первый вдох сразу немного вернул меня в тело. Не успокоил, конечно, до таких чудес никотин не дорастал, но дал хотя бы привычную последовательность действий: достать, щёлкнуть, вдохнуть, выдохнуть, посмотреть на людей с безопасного расстояния.

На террасе было тепло, пахло дымом, кофе и травой после утренней сырости. За круглым столом несколько человек курили и обсуждали дорогу. У мангала стояли парни, пытаюсь разжечь угли и одновременно доказать друг другу, кто из них лучше понимает устройство огня. Один настаивал на берёзовых дровах, второй говорил, что надо было сразу брать готовый уголь, третий предлагал сгонять в ближайшую «Пятёрочку», пока всё окончательно не превратилось в реконструкцию первобытного общества.

Взрослые люди, вывезенные за город, очень быстро возвращались к базовым формам цивилизации: огонь, еда, спор за авторитет.

Я смотрела на всё это, затягиваясь, и пыталась понять, за чем всё-таки приехала.

Формально всё было понятно: Даня уговорил, корпоратив перед увольнением, странная необходимость поставить точку, бассейн, который месяц обсуждали как отдельного участника события. Но если убрать весь этот мусор, оставалось не очень приятное ощущение, что я сама зачем-то согласилась выйти туда, где люди будут слишком близко, слишком громко и слишком уверенно считать, что раз мы вместе оказались за городом, значит, между нами внезапно возникла какая-то новая степень общности.

Я не любила эту корпоративную магию. В офисе человек мог быть просто коллегой, именем в чате, голосом на созвоне, автором плохой задачи или владельцем кружки, которую он не мыл уже третью неделю. Стоило вывезти всех за город, поставить рядом мангал и включить музыку, как от тебя почему-то ждали мягкости, вовлечённости и готовности разговаривать не только о работе, но и о жизни, детстве, любимых фильмах и прочей информации, которую я предпочитала не раздавать людям, способным в понедельник снова написать мне «можешь быстро глянуть?».

Наверное, я поехала из-за Дани.

Это было самое простое объяснение и, к сожалению, са-

мое похожее на правду. Он умел сделать даже сомнительное мероприятие немного менее сомнительным. С ним можно было сидеть в стороне, молча курить, переглядываться через весь стол, комментировать происходящее одной бровью и не чувствовать себя совсем чужой. Без него я бы уже сейчас, скорее всего, сидела в своей комнате, проверяя стоимость такси домой и размышляя, насколько правдоподобно будет заболеть через сорок минут после приезда.

Даня почти сразу занял второе кресло рядом, вытянув ноги и посмотрев на мои носки.

— Хочешь, дам тёмные? — спросил он.

Я опустила взгляд. Белыми они уже не были. Скорее переживали сложный переходный период между «чистые» и «прошли всю жизнь».

— Уже поздно.

— У меня есть запасные.

— Даня, они уже грязные. Какая разница.

Он усмехнулся, откинулся в кресле и немного раскачался. Я стряхнула пепел в пепельницу, которую успела прихватить с собой, и снова посмотрела на людей у мангала. Пока ничего страшного не происходило. Все просто ходили, разговаривали, смеялись, вытаскивали из пакетов овощи, бутылки, хлеб, соусы, одноразовые тарелки. Даже музыка пока играла тихо, без попытки убить человеческую психику с первых минут.

И всё равно я чувствовала себя так, словно меня слегка не туда положили. Не катастрофически. Не настолько, чтобы

встать и уйти. Просто не на своё место. Как чужую вещь, которую временно оставили среди чужих вещей и теперь она пытается выглядеть уместно.

— Тебя куда поселили? — спросил Даня.

— На первом этаже. Комната маленькая, но одна.

Он повернул голову.

— Везёт.

— Я тоже так считаю.

— А я на втором. Комната на троих.

— Сочувствую.

Даня кивнул и снова посмотрел в сторону мангала. Там к одному из парней подошла девушка из аккаунтов, кажется, Катя, держа стакан с чем-то холодным. Она что-то сказала ему, он взял стакан, улыбнулся и снова повернулся к углям. Катя, выполнив задачу по доставке напитка, почему-то не ушла. Осталась рядом, поправила волосы, засмеялась над чем-то и чуть наклонилась к нему, хотя вокруг стояли ещё трое и слышимость была вполне нормальная.

Я проследила за взглядом Дани.

— Что?

Он чуть качнул кресло, даже не сразу ответив.

— Кажется, полосатый свитер нашёл себе штаны.

Я посмотрела на него, потом снова на мангал.

— Это он?

— Он.

— А, — сказала я и присмотрелась уже внимательнее.

На таком расстоянии я видела не так много: тёмная футболка, джинсы, высокий рост, волосы, которые ветер упрямо трепал у лица, и спокойная манера стоять среди людей, не пытаясь занять собой всё пространство. Парень у мангала не выглядел ни душой компании, ни человеком, случайно назначенным ответственным за огонь и теперь страдающим публично. Скорее просто делал то, что оказалось перед ним, слушая остальных и иногда что-то коротко отвечая.

Катя всё ещё стояла рядом.

— Ты ревнуешь полосатый свитер? — спросила я тише.

Даня посмотрел на меня как на дурочку.

— Я просто сообщил факт.

— Про штаны?

— Про динамику.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно.

— Да мне, если честно, пока достаточно того, что ты месяц рассказывал про человека, которого я даже не видела, а теперь он стоит у мангала, и к нему носят воду.

Даня посмотрел на стакан в руке Кати, потом на меня.

— Ульяна, там полюбому вино или виски.

— В три часа дня?

— Мы на корпоративе.

Я фыркнула и затаилась снова. Дым ушёл в сторону двора, распадаясь в тёплом воздухе почти красиво, если не думать о том, что я вообще-то обещала себе курить меньше.

Впрочем, сегодня день явно был не для побед над собой. Сегодня я уже победила достаточно, просто приехав сюда и не закрывшись в комнате на первом этаже.

У мангала кто-то громко засмеялся, один из парней начал доказывать, что готовый уголь всегда хуже нормальных дров, другой сказал, что это говорит человек, который пять минут назад чуть не поджёг упаковку от салфеток. Катя наконец отошла к столу, но через пару минут рядом с тем же парнем оказалась уже другая девушка. Она что-то спросила, указывая то на дом, то на мангал. Он выслушал, махнул рукой куда-то в сторону кухни, потом пожал плечами так, будто честно сообщил: не знаю, иди спроси у кого-то, кто выглядит ответственнее.

Даня чуть вытянул шею, проследил за этой сценой и довольно протянул:

— Нууу.

— Чего «ну»?

Он наклонился ко мне ближе, явно наслаждаясь собственной мерзостью.

— Кажется, офисные женщины свободные нашли себе свежее мясо.

Я медленно повернула к нему голову.

— Чего, блять?

Даня заржал так искренне, что на нас обернулись двое за круглым столом.

— Ты бы видела своё лицо.

Он снова рассмеялся, откинувшись в кресле. На какое-то время он перестал комментировать мангал, переключившись на людей за круглым столом, музыку, которую кто-то включил из колонки слишком рано, и бильярдную, откуда уже донёсся первый возмущённый вопль. Судя по звуку, кто-то или проиграл, или впервые понял, что кий не делает человека точнее.

Я докурила, затушила сигарету и осталась сидеть в кресле, не торопясь возвращаться внутрь. Общий шум постепенно становился менее чужим. Дом наполнялся голосами, шагами, смехом, запахом еды, звоном посуды, хлопаньем дверей и тем беспорядочным движением, без которого любое мероприятие выглядит мёртвым. Люди разбредались по комнатам, снова собирались вместе, просили передать стаканы, искали зарядки, выходили курить, возвращались обратно.

Мне всё ещё не нравилось. Но уже не настолько, чтобы немедленно сбегать. Для начала этого было достаточно.

Глава 7

К пяти вечера эйчары начали собирать всех в столовой на ужин.

До этого люди ещё перемещались по дому без особого смысла: кто-то сидел на террасе, кто-то играл в бильярд, кто-то ходил к бассейну просто посмотреть, кто-то успел потерять телефон и найти чужой. Теперь Аня и ещё пара девочек из HR взялись за нас всерьёз. Они заглядывали в комнаты, звали всех к столу, просили не разбредаться и выглядели так, словно собирают не взрослых людей, а класс на экскурсии, где половина детей уже купила себе газировку и морально вышла из-под контроля.

Еду собирали по принципу «лучше останется, чем не хватит». Часть заказали заранее, часть привезли с собой, часть готовили на месте. На столе стояли салаты, нарезки, хлеб, овощи, соусы, бутылки с водой, кола, соки, алкоголь, несколько блюд под фольгой и мясо, ради которого люди до этого час спорили у мангала, что лучше: берёзовые дрова или готовый уголь.

Я лично не готовила ничего и не испытывала по этому поводу ни малейшего стыда. Домашняя готовка для корпоратива казалась мне странной формой добровольного самоужождения: сначала ты в субботу утром едешь через полгорода, потом ходишь в компании коллег по магазинам, споря чей

способ выбора продуктов лучше, а потом еще и тратишь время на нарезку салатов, готовки пюре и остальное. Максимум, на который я была готова, это положить себе еду в тарелку и не мешать энтузиастам реализовывать себя через салаты.

Даня уже сидел ближе к краю стола, заняв место с видом человека, который пришёл к ужину раньше всех не из голода, а чтобы занять самую выгодную и незаметную позицию. Рядом с ним оставался свободный стул. Я поставила стакан на стол и села, заранее оценив расстояние до выхода, кухни и людей, которые могли начать задавать вопросы.

— Нормально устроился, — сказала я.

— Я старался.

— Вижу. Почти не в центре ада.

— Я что, враг себе?

Он подвинул ко мне колу, стоявшую рядом с его тарелкой, и потянулся за бутылкой вина.

— Виски там, — сказал он, кивнув куда-то в сторону бутылок.

— Я вижу.

— Ну мало ли. Ты сегодня с утра немного растерянная.

Я налила виски с колдой, но пить сразу не стала. Стакан был холодный, влажный снаружи, и я несколько секунд просто держала его в руке, глядя на пузырьки у края. Потом села, подвинула тарелку ближе и наклонилась к Дане, сама ещё не до конца понимая, зачем собираюсь это говорить.

— Я почти два года не была среди такого количества лю-

дей, — сказала я тихо.

Даня, уже потянувшийся к бутылке вина, остановился и повернул ко мне голову. Без привычного выражения «сейчас что-нибудь ляпну», без готовой ухмылки. Просто посмотрел.

— В смысле вообще?

— Ну не в пещере сидела, конечно, — я провела пальцем по запотевшему стеклу стакана. — Просто в таком формате. Дом, ночёвка, коллеги, все ходят туда-сюда, разговаривают, хотят общаться. Я уже сейчас чувствую, что кто-нибудь обязательно начнёт спрашивать, как я, почему не езжу в офис, не скучно ли мне дома и что я вообще за человек такой загадочный.

Даня молчал пару секунд, потом кивнул куда-то в сторону стола, за которым люди рассаживались, передавали тарелки и громко выясняли, где открывашка.

— Ну, если начнут, скажи, что ты не загадочная, а злая.

Я посмотрела на него.

— Помог.

— Я стараюсь не давить интеллектом.

Он всё-таки налил себе вина, но дальше не стал ни спрашивать, ни изображать внезапно серьёзного человека с руками на столе и лицом «давай поговорим о чувствах». Просто сел рядом, чуть ближе обычного, оставив между нами тот самый нормальный промежуток, в котором можно было и молчать, и дышать.

— Если что, — сказал он, беря тарелку, — я буду рядом где-то в зоне слышимости. Можешь делать лицо «Даня, забери меня из этих людей».

— А ты поймёшь?

— Ульян, у тебя это лицо с утра.

Я фыркнула, впервые за последние минут десять почувствовав, что плечи чуть отпустило.

— Прекрасно.

— Да нормально всё будет, — сказал он уже проще, ковырнув вилкой край какого-то салата. — Не понравится, уйдёшь в комнату. Не хочешь отвечать, не отвечай. Хочешь соврать, соври. Взрослые люди сами виноваты, если задают вопросы после алкоголя.

— Мудро.

— Я сегодня вообще в ударе.

— Не увлекайся.

Он ухмыльнулся, потянулся к блюду, закрытому фольгой, и приподнял край.

— Это что?

— Не знаю.

Он заглянул внутрь, понюхал и посмотрел на меня с лёгким сомнением.

— Ладно. Если я умру, знай: это есть нельзя.

Я посмотрела на его тарелку.

— То есть мне целый час ждать?

Даня фыркнул, отпуская фольгу обратно.

— Какая ты мерзкая.

— Осмотрительная.

— Ладно, беру мясо. Там хотя бы понятно, за что страдать.

Он переложил себе пару кусков шашлыка, оставив загадочное блюдо в покое, а я наконец сделала глоток. Виски с колой оказался сладким, холодным и слишком легко притворялся обычной газировкой. Опасная штука. Особенно для вечера, где люди уже начали улыбаться друг другу чуть шире, чем требовалось трудовым договором.

Я положила себе мяса, хлеб и немного салата, выглядевшего достаточно безопасно, чтобы не задавать ему лишних вопросов. За столом постепенно становилось шумнее: кто-то пересаживался, кто-то искал вилку, кто-то уже просил передать соус, а Аня ходила вдоль стола, пытаясь сделать так, чтобы все наконец перестали перемещаться хотя бы на время официальной части.

Когда люди более-менее расселись, руководитель поднялся со стаканом. Сначала он постучал по нему вилкой, но звук получился жалкий, тонкий и совершенно не подходящий для привлечения внимания сорока взрослых людей, уже начавших есть, пить и обсуждать, кому сколько мяса положили. Он подождал пару секунд, посмотрел на вилку с лёгким разочарованием и просто повысил голос.

— Коллеги, давайте буквально пару слов, пока все не разошлись.

Я сделала ещё один глоток. Слово «буквально» в корпоративной среде обычно означало, что следующие десять минут можно мысленно вычёркивать из жизни, но деваться было некуда.

Даня рядом выпрямился, поставил бокал на стол и принял такое внимательное лицо, что я сразу поняла: не слушает он вообще ничего.

— Ты сейчас очень убедительный, — прошептала я.

Он не повернул головы, только чуть скосил глаза в мою сторону.

— Я человек компании.

— Ты человек фуршета.

— Одно другому не мешает.

Я уткнулась взглядом в тарелку, чтобы не улыбнуться слишком заметно. Руководитель тем временем говорил про квартал, сложные проекты, клиентов, которые, несмотря ни на что, остались с нами, про команду, общий вклад, взаимовыручку и то, что сегодня мы наконец можем выдохнуть. Последнее звучало особенно смело, учитывая, что половина присутствующих продолжала проверять рабочие чаты под столом, а вторая половина уже ждала, когда можно будет перестать изображать внимательное лицо.

Официальная часть на корпоративе всегда напоминала мне попытку заставить вечеринку сдать статус. Хотя вроде бы все уже приехали, кто-то даже надел пижамные штаны, судя по их виду, а кто-то уже откровенно пофлиртовывал с

коллегами, но сначала обязательно нужно проговорить итоги, поблагодарить команду и убедиться, что даже отдых у нас оформлен по регламенту.

Потом пошли тосты.

Сначала за команду. Потом за сложные проекты. Потом за то, чтобы дальше было легче, хотя все понимали, что легче не будет, просто говорить «за то, чтобы мы не умерли в следующем квартале» за общим столом пока считалось недостаточно праздничным. Кто-то из аккаунтов сказал что-то про клиентов, дизайнеры подняли бокалы за «вкусные задачи», и я внутренне пожелала им однажды получить настолько вкусную задачу, чтобы от неё свело челюсть.

Люди постепенно расслаблялись. Кто-то вспоминал рабочий факап, который уже можно было считать смешным, потому что он случился достаточно давно. Кто-то спорил об отпуске. Лёня рассказывал, как один клиент попросил «сделать интерфейс эмоциональнее», а потом на полном серьёзе уточнил, можно ли добавить анимацию доверия.

Тихий парнишка из машины, которого звали, кажется, Саша, вдруг поднял глаза от тарелки. До этого он ел молча, аккуратно отодвигая вилкой лук в сторону, и выглядел человеком, который приехал на корпоратив не по собственной воле, а в рамках трудового законодательства.

— Анимация доверия уже есть, — сказал он, даже не меня выражения лица. — Она называется предоплата.

На секунду за столом стало тихо, потом Лёня заржал пер-

вым, хлопнув ладонью по столу так, что у него подпрыгнула вилка. Кто-то из дизайнеров прыснул в стакан, девушка из аккаунтов напротив прикрыла рот салфеткой, а я не выдержала и рассмеялась.

Даня повернулся ко мне, держа бокал у губ.

— Проснулась, — сказал он негромко.

— Не начинай, — ответила я, всё ещё улыбаясь.

Он сделал вид, что очень внимательно рассматривает Сашу, который уже снова уткнулся в тарелку и, судя по лицу, не планировал становиться звездой вечера.

— Вот кто тут скрывал потенциал.

— Оставь человека, он просто сказал правду.

— Тем более опасный тип.

Саша, услышавший конец, поднял на нас взгляд и чуть заметно пожал плечами.

— Я вообще могу молчать.

— Не надо, — сказала я. — Ты только что поднял среднее качество тостов за вечер.

Он смутился, но улыбнулся краем губ, а Лёня, всё ещё довольный, потянулся за соусом и заявил, что за предоплату он готов выпить отдельно. Руководитель уже сел, официальная часть постепенно расползлась по столу разговорами, звоном вилок и попытками людей вспомнить, кто кому не передал хлеб.

Виски с колой пился слишком легко. Я заметила это не сразу, а только когда плечи перестали быть поднятыми к

ушам, общий шум начал раздражать не так сильно, а человек справа, до этого казавшийся мне источником потенциальных разговоров, вдруг стал просто человеком справа. Хороший это был признак или плохой, я пока не решила.

После еды дом начал распадаться на группы.

Стоило официальной части закончиться, как все моментально вспомнили, что никакая команда не существует единым организмом дольше получаса, особенно если рядом есть бильярд, бассейн, терраса, алкоголь и возможность не слушать руководителя. Часть осталась за столом, продолжая есть и доливать себе. Часть ушла в бильярдную, где уже спорили о правилах люди, явно не открывавшие их ни разу в жизни. Кто-то потянулся к бассейну, громко обсуждая полотно, температуру воды и то, кто вообще взял купальник. Кто-то включил музыку погромче, и дом сразу стал менее приличным.

Я пока никуда не шла. Сидела за столом, допивала виски с колой и наблюдала, как люди постепенно теряют рабочие оболочки. В офисе все были функциями: проджект, аналитик, дизайнер, аккаунт, руководитель, человек, который вечно просит «быстро глянуть». Здесь функции начинали сползать, и под ними обнаруживались обычные люди. Один слишком громко смеялся. Другая снимала сторис так, чтобы в кадр попадал бокал и кусочек загородной жизни. Кто-то уже сидел босиком на стуле, поджав ноги, хотя ещё два часа назад рассуждал о сроках с лицом взрослого ответственного

специалиста.

Ничего страшного в этом не было, но мне всё равно было неуютно.

В офисе границы хотя бы притворялись понятными. Здесь они плавали. Люди подходили ближе, говорили свободнее, спрашивали лишнее и, кажется, искренне считали, что выезд за город автоматически делает всех немного друзьями. Я же в такие моменты чувствовала себя человеком, который пришёл на пляж в бронежилете и теперь пытается не выделяться.

Даня куда-то ушёл с Лёней. Они сначала направились к бильярдному столу, потом свернули к кухне, потом вообще исчезли из поля зрения. Я не стала его искать. Во-первых, он не ребёнок, хотя иногда успешно притворялся. Во-вторых, мне самой хотелось выйти на воздух.

На террасе уже курили.

Я взяла сигареты, стакан с недопитым виски и вышла наружу. Вечер стал мягче. Солнце уже не било в глаза, только подсвечивало верхушки деревьев, дым от мангала полз в сторону забора, где кто-то оставил складной стул и пакет с углём. За круглым столом сидели Вика из клиентского отдела, Света из аккаунтов и Миша, которого я пару раз видела на общих созвонах и запомнила только потому, что он всегда включал камеру снизу, превращая себя в памятник корпоративной усталости.

Я села ближе к краю террасы, закурила и почти сразу по-

жалела, что не ушла чуть дальше. Сначала всё выглядело нормально. Вика рассказывала Свете что-то про дорогу, Миша пытался прикурить с таким выражением лица, словно сигарета лично сопротивлялась его планам, а я молчала, выпуская дым в сторону двора. Музыка из дома доходила приглушённо, стакан охлаждал пальцы, и несколько минут мне даже казалось, что я удачно встроилась в пейзаж.

Потом Вика повернулась ко мне.

— Ульян, ты же всё время на удалёнке?

Я выдохнула дым и кивнула.

— Почти.

— И как тебе? Нормально вообще? Я бы дома сдохла.

Вот оно. Началось.

— Я держусь, — сказала я.

Вика засмеялась, откинувшись на спинку кресла. Света тут же оживилась, убрала телефон экраном вниз и посмотрела на меня с тем самым выражением лица, от которого обычно начинаются разговоры «ну раз уж мы тут сидим».

— А не скучно? — спросила она. — Мы тебя вообще почти не видим. Ты такая загадочная.

Я посмотрела на неё, потом на сигарету.

— Просто камера редко включена.

Миша наконец прикурил, выдохнул дым и, кажется, почувствовал себя полноценным участником разговора.

— Да ладно, расскажи хоть что-нибудь о себе, — сказал он, щёлкнув зажигалкой и убирая её в карман. — А то ты

появляешься в задачах, пишешь выводы и исчезаешь.

Я сделала глоток. Виски уже стал тёплым, кола выдохлась, а я очень хорошо понимала, что если сейчас отвечу честно, вечер пойдёт не туда. Поэтому выбрала привычное.

— Рассказать о себе? Люблю, когда задачи ставят нормально. Не люблю, когда нет. На этом можно построить целую биографию.

Вика рассмеялась, Света сказала «жиза» и потянулась за своим стаканом, но по лицу было видно, что на этом они закругляться не собираются.

— А в офис вообще не хочешь? — спросила Вика. — Ну хоть иногда. Там же веселее.

— Я боюсь такого уровня веселья.

— Да ладно тебе. Мы нормальные.

Это была очень смелая фраза для компании, где половина людей уже успела обсудить корпоративный бассейн так, словно он был не водой в помещении, а моральным испытанием.

— В это я пока верю частично, — сказала я.

Света засмеялась, поджав под себя ноги в кресле.

— Вот видишь, с тобой весело. Чего ты прячешься?

Я затаилась, задержав дым чуть дольше, чем нужно. Снаружи вопрос был лёгким. Почти дружеским. Никакого злого умысла, никакой попытки лезть под кожу. Просто человек хотел поговорить. Узнать меня чуть лучше. Сделать то самое корпоративное сближение, за которое, наверное, где-то HR

получают внутренние медали.

А у меня внутри уже закрывались двери.

— Я не прячусь, — сказала я спокойно. — Я экономлю ресурс.

Миша хмыкнул.

— На что?

— На жизнь.

Они снова засмеялись. Хорошо. Пока они смеялись, можно было не объяснять.

Разговор перекинулся на удалёнку, домашний режим, доставку еды, котов, которых у меня не было, и офисные сплетни, которых у них было в избытке. Вика рассказала, что два дня на удалёнке подряд превращают её в человека, разговаривающего с курьером слишком радостно. Света пожаловалась, что дома начинает работать без обеда, а в офисе хотя бы кто-то приносит кофе и сплетни. Миша сказал, что удалёнка хороша всем, кроме того, что холодильник стоит слишком близко и смотрит осуждающе.

Меня пытались расспросить ещё пару раз, но я отвечала коротко, уходя в шутки, и постепенно перестала быть центром внимания.

Я докурила и затушила сигарету в жестяной банке, уже почти полной чужих окурков. На террасе стало чуть прохладнее, но уходить сразу всё равно не хотелось. Внутри было громко, снаружи спрашивали слишком мягко, и я на пару секунд зависла между двумя вариантами раздражения, вы-

бирая тот, где меньше людей смотрит прямо на меня.

Потом Вика снова повернулась ко мне, уже открывая рот для какого-то следующего вопроса, и я поняла, что пора.

— Я внутрь, — сказала я, поднимаясь.

— Уже? — спросила Света.

— Пока вы не начали спрашивать мой знак зодиака.

Вика засмеялась.

— А кто ты?

Я посмотрела на неё, и она, кажется, сама поняла, что лучше оставить этот вопрос жить без ответа.

В доме музыка стала громче. После террасы гостиная казалась слишком яркой и слишком движущейся: мебель сдвинули к стенам, освобождая место для танцев, кто-то стоял у низкого стола с бутылками, кто-то снимал видео, кто-то двигался под музыку с выражением лица человека, которому уже поздно сомневаться в себе. В углу у стены я почти сразу заметила Даню. Он стоял с бокалом вина и смотрел на происходящее так, словно присутствует при падении небольшого, но важного государства.

Я подошла и встала рядом.

— Ты где была? — спросил он, не отрывая взгляда от танцующих.

— На террасе. Меня пытались социализировать.

Он поморщился.

— Жёстко.

— Я выжила.

— С виду да.

Я хмыкнула и сделала глоток виски с колой. Напиток был тёплым, сладким и уже совсем не благородным.

Даня наконец повернулся ко мне.

— Сильно достали?

— Нормально. Удалёнка, офис, расскажи о себе, почему мы тебя не видим.

— Надо было сказать, что ты миф.

— В следующий раз так и сделаю.

Даня открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент к нам почти подлетела Аня. Весёлая, разогретая, с бокалом в руке и румянцем на щеках. Очки у неё чуть сползли на нос, волосы выбились из причёски, а выражение лица сообщало, что официальная часть дня закончилась и теперь HR имеет право быть просто человеком с алкоголем.

— Ульян! — радостно сказала она, остановившись передо мной. — А у тебя парень есть?

Я медленно повернула голову и уставилась на неё.

Несколько секунд я просто смотрела, пытаюсь понять, в какой именно момент вечер свернул в допрос без предупреждения и почему этот вопрос прилетел ко мне так легко, словно речь шла о том, где лежат салфетки.

Рядом Даня тихо фыркнул, потом не выдержал и засмеялся, уже заранее ожидая, каким именно сарказмом я сейчас отвечу.

Глава 8

Я уставилась на Аню, не мигая.

Она явно ждала чего угодно, только не такого пристально-го взгляда в ответ. Улыбка у неё на секунду зависла, пальцы сами потянулись поправить очки, а я подняла брови и продолжила смотреть. В другой ситуации это уже можно было бы считать давлением, но, с другой стороны, в другой ситуации люди не подлетали бы ко мне с вопросом про наличие парня посреди корпоративной гостиной.

— А тебе зачем? — спросила я.

Аня моргнула, словно только сейчас вспомнила, с чего вообще начала этот разговор. Потом снова заулыбалась, быстро глянула на Даню, стоявшего рядом со мной с бокалом, и понизила голос до того заговорщического шёпота, который при музыке, гремящей через колонку в углу, всё равно звучал почти как объявление для всего дома.

— Просто там Артём с тебя глаз не сводит.

Я повернула голову в ту сторону, куда она почти незаметно кивнула глазами.

Сначала я просто увидела группу людей у противоположной стены. Кто-то смеялся, кто-то держал стакан, кто-то качал головой в такт музыке, делая вид, что участвует в общем веселье добровольно. Потом взгляд зацепился за него.

Новенький.

Тот самый Артём, которого Даня уже второй месяц с упорством городского сумасшедшего называл «Полосатый свитер», хотя никакого свитера на нём, разумеется, сейчас не было. На нём была чёрная футболка, простая, без надписей и попыток сообщить миру о своей тонкой душевной организации, и обычные синие джинсы. Ничего особенного в одежде. Он стоял, слегка опершись бедром о стену, и действительно смотрел на меня.

Не мельком и не тем скольльзящим мужским взглядом, которым люди иногда бездумно цепляют всё симпатичное в радиусе трёх метров. Он смотрел прямо, спокойно, даже слишком спокойно для человека, которого только что сдали коллеги. И что было особенно неприятно, взгляд не отвёл.

Я на секунду задержалась, разглядывая его уже осознанно.

Я раньше толком его не видела. В офис после его появления почти не ездила, в рабочих чатах люди выглядели аватарками, а Данин «полосатый свитер» в моём воображении уже давно стал не человеком, а мемом с ногами. Вживую Артём оказался совсем не мемом. Он был выше, чем мне представлялось, с прямой осанкой и спокойной расслабленностью, которая почему-то бросается в глаза сильнее любой попытки понравиться. Волосы у него были русые, чуть светлее, чем я почему-то ожидала, коротко подстриженные по бокам и немного растрёпанные сверху. Лицо открытое, с чёткими скулами, прямым носом, тёмными бровями и лёгкой щетиной, которая делала его не старше, а спокойнее на вид.

Он не улыбался, но и не выглядел мрачным. Скорее наблюдал. Внимательно, ровно, так, словно вполне допускал, что я сейчас смотрю на него в ответ, и ничего катастрофического в этом нет.

Меня это почему-то задело сильнее, чем если бы он начал изображать смущение.

Я отвела взгляд первой.

Посмотрела обратно на Аню, наклонилась ближе и таким же заговорщическим шёпотом спросила:

— Думаешь, он хочет увести моего парня?

Даня рядом расхохотался. Я сказала это тихо, но из-за музыки тихо всё равно получилось достаточно громко, чтобы он услышал каждое слово и тут же оценил уровень идиотизма происходящего. Аня сначала непонимающе посмотрела на меня, потом на Даню, потом снова на меня, и только после этого до неё дошло.

Она тоже засмеялась, махнув рукой.

— Нет, — сказала она. — Я думаю, может, ты ему понравилась.

— Ну тогда это всецело его проблемы.

— Ульян, ну ты чего, — Аня улыбалась уже совершенно пьяно и довольна. — Он симпатичный.

— Я рада за него.

Даня, всё ещё посмеиваясь, сделал глоток вина.

— Аня, ты аккуратнее. Это мой парень, — сказала я и кивнула на него.

Он сразу выпрямился, приложил свободную руку к груди и изобразил лицо человека, которому наконец дали важную роль.

— Да. Я её парень.

В голосе было столько идиотской серьёзности, что Аня снова засмеялась, хотя, кажется, до конца так и не поняла, мы шутим или просто оба уже достаточно выпили, чтобы вести себя странно. Даня держался с видом человека, готового прямо сейчас подтвердить наш вымышленный союз перед нотариусом, охраной и ближайшим отделом продаж.

— Красивый, да? — спросил он у Ани, показывая на себя бокалом.

— Очень, — сказала она, смеясь.

— Вот видишь, Ульяна. Люди ценят.

В это время Аня уже потеряла к нам интерес. Кто-то позвал её со стороны кухни, она обернулась, крикнула «иду» и скрылась в толпе, унося с собой бокал, румянец и свою прекрасную способность задавать вопросы, от которых хочется сменить личность.

Мы с Даней остались у стены.

Я снова посмотрела туда, где стоял Артём. Он уже не смотрел на меня. Разговаривал с кем-то из ребят, чуть наклонив голову, слушал и время от времени кивал. Стакан всё ещё был у него в руке, вторая рука лежала в кармане джинсов. Обычная поза. Обычный разговор. Ничего такого.

И всё равно я почему-то отметила это как отдельный факт.

— Ну поздравляю, — сказал Даня рядом, повернувшись ко мне. — Ты забрала себе свежее мяско.

Я медленно перевела на него взгляд.

— Фу, Даня.

Он довольно усмехнулся.

— Что?

— Я, конечно, понимаю, что он тебе не нравится, но хотя бы не так обзывай его.

Даня вскинул брови и отпил вина, явно наслаждаясь тем, что его наконец-то в чём-то обвинили.

— С чего ты взяла, что он мне не нравится?

Я пожала плечами.

— Хз.

Даня посмотрел на меня так, словно я только что несправедливо приписала ему какую-то гадость. Потом отпил вина, снова глянул в сторону Артёма и наклонился ко мне ближе.

— Он, кстати, предпочитает, чтобы его звали Тёма.

Я фыркнула. Даня вдруг скорчил лицо, чуть прикрыл глаза и попытался произнести это томно:

— Тё-ё-ма.

Я снова фыркнула и толкнула его в плечо.

— Прекрати.

— Что?

Он сделал вид, что не понял, и посмотрел куда-то поверх моей головы. Получилось плохо. Для человека, который так много говорил о чужой мимике, Даня иногда удивительно не

контролировал собственную.

— Всё-таки мне кажется, ты на нем заиклился.

— Я? Нет.

Он сказал это слишком быстро. Я подняла брови.

— Ага.

— Да не заиклился я, — Даня поморщился и махнул бокалом куда-то в сторону Артёма. — Просто он весь такой... ну блять.

— Содержательно.

— Ну правда. Ходит, молчит, волосы у него лежат, задачи он ставит нормально, девочки ему что-то носят, Аня уже сводничает. Бесит.

— То есть он тебе не нравится.

— Ульяна. Не начинай.

— Просто слишком весь охуенный?

Даня посмотрел на меня, помолчал секунду и нехотя кивнул.

— Вот. Да. Спасибо.

— Бедный мальчик.

— Кто?

— Ты.

Он фыркнул, но улыбку всё равно не удержал.

— Любимый мизантроп, я тебя сейчас брошу у этих людей.

— Ты мой парень, забыл?

Даня вздохнул так тяжело, словно наши отношения уже

успели его утомить, хотя начались две минуты назад и существовали только в голове пьяной Ани, нас двоих и, возможно, пары случайных свидетелей рядом с колонкой.

— Блять, точно.

Я сделала глоток виски с колой. Напиток окончательно стал тёплым, сладким и никаким, но руке было привычно держать стакан. Я снова посмотрела на Артёма, уже осторожнее, чтобы не выглядеть человеком, пойманным на чужом взгляде и теперь зачем-то проверяющим, повторится ли фокус.

Мы ещё минут десять стояли у стены, перекидываясь колкостями, наблюдая за тем, как вечер окончательно теряет человеческий облик. Музыка становилась громче, люди двигались увереннее, бокалы пустели быстрее, а гостиная постепенно превращалась в место, где у взрослых специалистов с высшим образованием начинали отказывать базовые настройки самосохранения.

Я уже почти расслабилась. Насколько вообще можно расслабиться, стоя с тёплым виски с колой, рядом с Даней и кучей коллег, которые ещё днём обсуждали задачи, а теперь пытались попадать в ритм под песню, которую никто полностью не знал.

Потом кому-то пришла в голову идея потанцевать всем вместе.

Сначала это выглядело безобидно. Кто-то в центре комнаты поднял руки, кто-то засмеялся, кто-то крикнул, что «да-

вайте круг», и я даже успела внутренне порадоваться, что стою у стены и имею все шансы пережить этот приступ коллективности незамеченной.

Радость, конечно, была преждевременной. Одна из девушек из дизайнеров, кажется, Лера, пролетела мимо, схватила меня за руку и потянула за собой с такой уверенностью, словно мы заранее договорились, что я мечтаю стать частью хора. Я даже не успела нормально возмутиться. Стакан остался у Дани, который принял его из моей второй руки с видом человека, внезапно получившего на хранение важную улику. Он заржал, конечно. Мог бы хотя бы изобразить сочувствие, но нет, дружба дружбой, а возможность увидеть, как меня уволокли в коллективный танец, Даня упускать не собирался.

Меня втянули в круг. Сначала все просто шумно перестраивались, хватали друг друга за руки, смеялись, путались, кто куда должен встать, и пытались понять, что вообще происходит. Кто-то уже наступил кому-то на ногу, кто-то возмущался, что круг кривой, кто-то кричал, что это неважно, потому что никто тут не на «Танцах со звёздами». Я стояла среди всего этого, чувствуя, что жизнь снова сделала шаг в сторону цирка без моего письменного согласия.

Потом я повернула голову и увидела, кто оказался слева от меня. Артём. Разумеется. Он тоже стоял в кругу с выражением человека, которого сюда привели примерно тем же способом, что и меня: быстро, шумно и без учёта личных

планов. В руке у него уже не было стакана, волосы чуть растрепались сильнее, на губах держалась слабая улыбка, скорее от общей нелепости происходящего, чем от настоящего веселья.

Мне пришлось взять его за руку.

Вернее, это выглядело именно так, будто пришлось. Все вокруг уже сцепились, Лера справа сжала мою ладонь, музыка сменилась на что-то ещё более бодрое, кто-то начал считать «раз, два, три», и у меня не осталось ни одного приличного способа сделать вид, что я вообще не участвую.

Ладонь у Артёма была большая, тёплая и крепкая. Такие ладони почему-то сразу чувствуются всем телом, даже если человек держит тебя за руку совершенно ничего не значащие две секунды в пьяном корпоративном кругу. При этом он не сжал мою руку нормально. Держал осторожно, почти еле-еле, оставляя мне возможность в любой момент выдернуть пальцы, если захочется.

И вот это было хуже всего. Если бы он схватил крепко, уверенно, по-мужички, я бы сразу разозлилась. Было бы просто. Тело отдало бы привычный сигнал: чужой человек, слишком близко, убери руки. А так злиться было не на что. Он держал ровно настолько, насколько требовал этот идиотский хоровод, и ни миллиметром больше.

Я скосила на него взгляд. Артём тоже посмотрел на меня, коротко, будто проверяя, всё ли нормально. Ничего не сказал. Даже не улыбнулся шире. Просто чуть приподнял бро-

ви, словно мы оба оказались в одном и том же сомнительном обстоятельстве и теперь оставалось только пережить его без лишнего позора.

Круг наконец двинулся. Сначала медленно, потом быстрее. Люди смеялись, кто-то сбивался, Лера справа тащила меня за собой слишком бодро, Артём слева шёл ровно, подстраиваясь под общий ритм. Его пальцы иногда касались моих чуть сильнее, когда круг резко дёргался или кто-то спотыкался впереди, и каждый раз он тут же ослаблял хватку, будто извинялся без слов.

Я ненавидела подобные активности. Очень. Но в какой-то момент поймала себя на том, что уже не думаю, как бы вырваться. Просто иду вместе со всеми, смеюсь от чужой кривой попытки закрутить круг быстрее, слышу Данин голос где-то у стены, видимо, комментирующий моё позорное вовлечение, и чувствую рядом чужую тёплую ладонь, держащую меня так бережно, что от этого почему-то становилось спокойнее, чем от любого прямого взгляда.

Хоровод закончился так же внезапно, как начался.

Музыка сменилась, кто-то в центре круга сбился, кто-то заржал, и вся эта коллективная конструкция распалась сама собой. Люди отпустили руки, начали расходиться, спорить, что включать дальше, звать кого-то к столу и хлопать друг друга по плечам с той странной радостью, с какой взрослые люди переживают совместную глупость.

Я вышла из круга почти с облегчением. Даня ждал у сте-

ны, держа мой стакан так аккуратно, словно ему доверили не тёплый виски с колой, а вещественное доказательство моего позора. Когда я подошла, он молча протянул его мне и довольно посмотрел поверх бокала.

— Бля, это просто кринжатина какая-то, — сказала я, забирая стакан.

Даня кивнул, стараясь не улыбаться слишком открыто.

— Да-да.

— Что «да-да»?

— Ничего. Просто ты была очень органична.

Я посмотрела на него. Он не выдержал и фыркнул.

— Ладно, нет. Ты выглядела как человек, которого украли в секту на пятнадцать секунд.

Я сделала глоток и поморщилась. Виски с колой окончательно стал тёплым, сладким и неприятным, но рука всё равно держала стакан, потому что иногда человеку нужен предмет, чтобы не держаться за собственное лицо.

Даня глянул в сторону коридора, откуда доносился плеск и чей-то громкий смех.

— Ты уже плавала?

— Нет.

— Не хочешь освежиться?

Я проследила за его взглядом. Бассейн всё это время существовал где-то рядом, шумный, влажный, хлорированный и уже несколько раз обсуждённый всеми, кому было не лень. После хоровода, Аниного вопроса, взгляда Артёма, чужой

ладони и тёплого алкоголя идея залезть в воду внезапно перестала казаться идиотской.

— Хочу, — сказала я и сама немного удивилась.

Даня сразу довольно кивнул, будто лично отвечал за то, чтобы бассейн наконец выполнил свою функцию.

Я допила остаток, поставила стакан на ближайший столик и пошла к себе переодеваться, пока не передумала. По дороге пришлось пройти мимо кухни, где кто-то выяснял, нужно ли мыть посуду сейчас или утром, и мимо коридора, где девушка в полотенце пыталась застегнуть браслет, зажав телефон подбородком. Корпоратив вошёл в стадию, где люди выглядели уже менее собранными, зато гораздо честнее.

В комнате было тихо. После музыки, голосов и чужого смеха это ощущалось почти роскошью. Я закрыла дверь, включила свет и достала из рюкзака купальник.

Он был чёрный, слитный, с открытой спиной и достаточно простым вырезом спереди. Я купила его ещё в прошлом году, один раз ходила в бассейн и потом убрала в ящик, потому что регулярно плавать у меня получалось примерно так же хорошо, как регулярно ложиться спать до полуночи. То есть в теории красиво, на практике смешно.

Я переоделась и встала перед зеркалом.

Купальник сидел нормально. Даже хорошо. Чёрная ткань собирала фигуру, открытая спина выглядела смелее, чем я чувствовала себя внутри, а вишнёвые волосы, чуть растрепавшиеся после танцев, делали лицо ярче. Я поправила ля-

ку, провела ладонью по боку и опустила взгляд на ногу.

Шрам был ниже колена, с внешней стороны голени. После открытого перелома такое вполне могло остаться: неровная светлая полоска, местами чуть грубее остальной кожи. Не огромная и не такая, чтобы люди сразу спрашивали, что случилось, но достаточно заметная для меня. Я видела его всегда. Даже когда не смотрела.

Врачи тогда говорили, что всё зажило хорошо. Хорошо, по их меркам, означало: ходишь, не хромаешь, можешь жить дальше, поздравляем, вам повезло. Шрам, значит, считался мелочью. Почти сувениром от события, в котором мне, как все любили повторять, очень повезло.

Я постояла перед зеркалом ещё секунду и отвернулась.

Сегодня я не собиралась устраивать вечер воспоминаний для одной зрительницы.

Накинув рубашку поверх купальника и взяв полотенце, я вышла из комнаты.

У бассейна было влажно, тепло и шумно. Несколько человек уже плавали, кто-то сидел на бортике, болтая ногами в воде, кто-то смеялся слишком громко, явно переоценив собственную способность держаться на плаву после алкоголя. Вода пахла хлором, плитка была тёплой под босыми ногами, а свет отражался от поверхности так ярко, что на секунду захотелось просто стоять и смотреть.

Я положила рубашку и полотенце на свободный шезлонг, спустилась по лесенке и вошла в воду.

Сначала тело сжалось от прохлады. Потом привыкло.

Я оттолкнулась от бортика и поплыла.

И неожиданно мне стало хорошо.

Не радостно и не так, словно вода внезапно смыла с меня весь день, корпоратив, вопросы на террасе и чужой взгляд у стены. До таких чудес бассейн, конечно, не доходил. Но он забрал шум. Приглушил его. Люди были рядом, но не слишком близко. Бассейн оказался достаточно большим, чтобы можно было плыть вдоль края, не врезаясь в чужие локти, не участвуя в визгах и не ловя на себе постоянные взгляды.

Можно было просто двигаться.

Вдох. Поворот головы. Вода у плеч. Плитка на дне. Свет над поверхностью.

Алкоголь чувствовался. Не сильно, но достаточно, чтобы тело было чуть мягче, а мысли чуть медленнее. Возможно, именно поэтому плавание пошло на пользу. Я сделала несколько кругов, потом остановилась у бортика, держась руками за край, и выдохнула. В голове стало тише. Не пусто, конечно. Пусто у меня в голове не бывало даже в лучшие годы. Но тише.

Кто-то рядом плеснул водой, кто-то крикнул, что сейчас принесут ещё напитки, кто-то засмеялся, но меня это уже не задевало. Я отплыла дальше, на другой край, где было свободнее, и позволила себе ещё немного побыть просто телом в воде. Без необходимости отвечать на вопросы, шутить, держать лицо и изображать нормальную участницу нормально-

го мероприятия.

Когда первая волна энтузиастов начала вылезать из бассейна и расходиться по комнатам переодеваться, я тоже выбралась. Кожа покрылась мурашками, волосы у висков намокли, по спине стекала вода. Я завернулась в полотенце, накинула рубашку и пошла к себе, стараясь не думать о том, что после бассейна придётся снова надевать одежду и возвращаться к людям.

В комнате я быстро вытерлась, переделалась обратно в джинсы и майку, посмотрела на влажные концы волос и махнула рукой. Подкрученная утром причёска окончательно сдалась, но после бассейна требовать от неё достоинства было бы нечестно. Я собрала верхние пряди заново, чуть слабее, сунула мокрый купальник в пакет и вышла.

С Даней мы договорились встретиться в бильярдной. Дани там, разумеется, не было. Я вошла, остановилась у стены и какое-то время просто стояла, чувствуя себя человеком, которого забыли на промежуточной станции. За бильярдным столом Лёня и Саша пытались играть, хотя по их состоянию было понятно: правила уже давно превратились в рекомендательную литературу. Лёня стоял с кием, широко расставив ноги, Саша смотрел на шары с философским спокойствием, а рядом на столике стояли два стакана и тарелка с чем-то надкусанным.

Лёня заметил меня первым.

— О, Ульяна, иди к нам.

Я сразу покачала головой.

— Не-не.

— Да ладно, — он махнул кием так, что Саша чуть отступил. — Мы тут играем.

Я вышла до того, как меня втянули в игру, правила которой никто не знал, но все уже были готовы объяснять. На кухне сидели Вика и Света с террасы. К ним присоединилась ещё девушка из дизайна, кажется, Маша, и все трое что-то обсуждали над тарелкой с виноградом и бутылкой просекко. Я попыталась пройти мимо тихо, но Вика подняла голову почти сразу.

— О, Ульян, иди к нам.

Я остановилась на полшага, автоматически улыбнулась и тут же пожалела, что мышцы лица вообще умеют это делать.

— Не, я Даньку ищу.

— Да найдётся твой Данька, — сказала Света, подвинув стул ногами. — Садись.

— Я сейчас.

Слабая, жалкая ложь, сказанная голосом человека, который не собирается возвращаться, но надеется, что его всё равно отпустят. Из гостиной доносилась музыка, кто-то там пытался подпевать, в коридоре мелькнула Аня с бутылкой воды и телефоном, у лестницы кто-то смеялся так громко, будто его собирались услышать в соседнем посёлке. Я сделала пару шагов в сторону гостиной, потом передумала, свернула к коридору, снова остановилась и вдруг поняла, что

брожу по дому кругами.

Не потому что ищу Даню. Вернее, формально да, искала. Но на самом деле просто пыталась найти место, где меня не позовут, не спросят, не втянут, не посадят рядом, не предложат сыграть, выпить, потанцевать, поговорить, рассказать о себе или срочно стать частью маленькой компании людей, уже решивших, что вечер удался.

Дом был большой, но спрятаться в нём почему-то становилось всё сложнее. Я постояла в коридоре ещё пару секунд, прислушиваясь к голосам из разных комнат, потом развернулась и пошла на террасу.

Там хотя бы можно было курить.

Глава 9

Я вышла на террасу, уже почти не надеясь найти место, где меня оставят в покое.

На террасе курили несколько человек. В темноте они выглядели одной общей компанией из силуэтов, стаканов и тлеющих огоньков. Кто-то заметил меня и махнул рукой, приглашая к ним. Я улыбнулась, подняла ладонь в ответ и кивнула вперёд, туда, где за домом уходила дорожка.

— Я в беседке посижу, — сказала я.

Сказала и почти сразу поняла, что вру.

В беседку мне было не надо. Мне надо было просто уйти из дома, где каждый человек, встреченный в коридоре, почему-то пытался прикрепить меня к своему занятию. В бильярд, на кухню, к девочкам, к стаканам, к разговорам, к чьему-то очень важному «пойдём, будет весело». Весело, как выяснилось, было словом с очень широким диапазоном применения, включающим всё, что мне хотелось избежать.

Я спустилась по ступенькам с террасы, держа в одной руке стакан с остатками виски с колой, а другой доставая сигареты из кармана рубашки. Воздух был прохладнее, чем в доме. Пахло травой, дымом от мангала и сиренью. Дорожка уходила в небольшой сад за домом: несколько кустов, деревья, беседка в глубине, садовые фонарики вдоль тропинки и один большой фонарь впереди, светивший так старательно,

словно его поставили главным по темноте.

Я остановилась у сирени, чуть в стороне от дорожки, закурила и сделала первую затяжку.

Стало тише. Дом остался за спиной, музыка звучала глуше, голоса распались на отдельные выкрики, не требующие ответа. Впереди были только тёмные деревья, жёлтые круги света на дорожке и беседка, где, кажется, тоже кто-то сидел, но достаточно далеко, чтобы не становиться моей проблемой.

Я стояла, смотрела куда-то вперёд, туда, где дорожка уходила к беседке, держала стакан с остатками виски и думала, что, возможно, именно так и выглядит взрослая социальная жизнь: ты не веселишься, а выбираешь место, где тебя меньше трогают.

Я затянулась ещё раз и услышала шорох слева. Сначала даже не повернулась. В саду мог шуршать кто угодно. Кот, ёж, ветка, пакет, чей-то последний здравый смысл, сбежавший из гостиной ещё на этапе твистера, который, я была уверена, рано или поздно кто-нибудь предложит. Частный дом, ночь, кусты. Ничего удивительного.

Потом из темноты раздалось:

— Прячешься от них?

Я повернула голову. Ну да. Конечно.

Артём стоял чуть левее, у края сиреневого куста, со стаканом в руке. В темноте он казался спокойнее, чем в гостиной, где его выхватывали свет, музыка и чужие взгляды. Здесь

фонарь подсвечивал только часть лица, линию скулы, русые волосы, край чёрной футболки и руку, опущенную вдоль тела. Он выглядел так, словно тоже не дошёл до беседки не потому, что заблудился, а потому что понял: можно остановиться раньше и не объяснять никому, зачем.

Я посмотрела на него, потом на свою сигарету.

— Да, — сказала я. — Видимо, не очень хорошо получается.

Он слегка улыбнулся.

— Я делаю то же самое.

— Прячешься?

— От хороводов точно.

Я улыбнулась в ответ. Из дома вдруг с шумом открылась дверь. Я обернулась. На террасу вышла Аня, уже достаточно весёлая для того, чтобы двигаться быстро и говорить громко. Она остановилась у перил, оглядела курящих, потом махнула рукой в сторону беседки.

— Ребят, идём играть! — крикнула она. — Все идём! У нас твистер!

Я замерла с сигаретой в руке. Твистер. Конечно. После хоровода, бассейна, кухни, бильярдной и бесконечных попыток меня куда-то пристроить мне не хватало только игры, где пьяные коллеги должны расставлять руки и ноги по цветным кругам под радостные крики НР. Где-то существовали люди, которым это правда казалось весёлым. Я искренне надеялась, что сейчас все они находятся в доме, а не рядом со

мною.

Аня уже спускалась с террасы.

— Ну вы где? — продолжала она, идя по дорожке к беседке. — Давайте, мы уже начинаем!

Я стояла на месте и очень чётко понимала, что сейчас она дойдёт до нас, увидит меня и радостно заберёт обратно в дом. В этот момент Артём вдруг взял меня за рукав рубашки и потянул чуть в сторону, глубже за сирень.

Не сильно. Просто коротко дёрнул, заставив сделать шаг. Ветки закрыли нас от дорожки, листья задели плечо, и я оказалась рядом с ним в тени куста, с сигаретой в одной руке и стаканом в другой.

Аня прошла мимо.

— Ребята, ну вы где? — донеслось уже от беседки. — Пойдёмте, там твистер раскладывают!

Из беседки отозвались голоса. Кто-то засмеялся, кто-то сказал, что сейчас идёт, потом зашуршали стулья. Через минуту Аня пошла обратно к дому, уводя с собой несколько человек. Они прошли по дорожке мимо сирени, совсем рядом, но нас не заметили.

Я стояла, стараясь не засмеяться и не кашлянуть дымом.

Когда дверь на террасу снова закрылась, я наконец выдохнула. Сигарета успела догореть почти до фильтра. Я бросила окурочек на землю у края дорожки и затушила носком.

Потом посмотрела на Артёма.

— Блин, спасибо. Я бы не выдержала ещё и твистера.

Он отпустил мой рукав, будто только сейчас вспомнил, что всё ещё держит ткань пальцами.

— Ничего. Бывает. У меня такая же фигня.

Я, конечно, не поверила, что у него «такая же фигня».

Слишком уж бодро весь день вокруг него ходили коллеги женского пола. Кто-то приносил попить, кто-то спрашивал, где ножи, кто-то уточнял, не нужна ли помощь, хотя помощь, судя по всему, нужна была всем и сразу. Может, Даня был не так уж неправ, но называть человека «свежим мяском» всё равно было не самым приличным из его достижений. Даже по Даниным меркам, где приличие часто существовало где-то на дальнем складе и выдавалось по запросу.

Я качнулась чуть в сторону, подняла стакан, собираясь сделать глоток, и поняла, что там пусто.

— Блин, — сказала я, глядя на дно. — Чёрт.

Пустой стакан означал только одно: рано или поздно мне придётся вернуться в дом. Хотя бы для того, чтобы не умереть от жажды и не начать пить декоративную росу с листьев сирени, изображая героиню очень странного фильма про выживание на корпоративе.

Я оглянулась на беседку. Её уже освободили, но она стояла под фонарём, слишком заметная, слишком открытая, с этим своим честным видом места, где тебя сразу увидят и позовут обратно. Куст сирени, наоборот, прекрасно выполнял роль временного убежища. Правда, жить в нём было сложно. И алкоголь там сам собой не появлялся, что сразу снижало

его ценность.

Артём, видимо, заметил, как я смотрю то на дом, то на стакан, то на дорожку.

— У меня есть бутылка виски, — сказал он.

Я повернулась к нему.

— Что?

— Забрал с собой, — он кивнул куда-то в сторону сирени.

— Я здесь минут сорок уже сижу.

— А кола есть?

Он усмехнулся.

— Нет. Но могу сходить.

Он достал из-за куста бутылку, почти полную, и протянул мне. Я взяла её, всё ещё немного недоверчиво глядя на него.

— Ты правда сидишь тут с бутылкой виски?

— Подержишь?

Я кивнула, и он пошёл к дому.

Нам повезло, что терраса выходила почти к кухне. Артёму не пришлось пробираться через гостиную, где, судя по крикам, твистер уже начал перемалывать человеческие судьбы. Он быстро поднялся по ступенькам, исчез за дверью и вернулся через пару минут с бутылкой колы в руке. На этот раз его никто не перехватил, не заставил играть, не втянул в командную активность и не отправил за салфетками. Удивительно удачная операция.

— Пойдём чуть дальше? — сказал он, забирая у меня виски. — Я видел там лавку, когда обходил участок.

— Обходил участок?

— Ну да.

— Проверял границы владений?

Он посмотрел на меня, потом пожал плечом.

— Типа того.

Я тоже пожала плечами. Почему нет. Мы пошли по дорожке чуть глубже в сад.

Лавка действительно нашлась. Самая обычная, из тех, что ставят в городских парках: деревянные планки, тёмное железо по бокам и вид предмета, пережившего много чужих разговоров, окурков и попыток посидеть красиво. Рядом горел небольшой фонарь, дававший ровно столько света, чтобы видеть друг друга, бутылку и собственные руки, но не чувствовать себя под прожектором. Из дома нас, к счастью, почти не было видно. Кусты и деревья закрывали обзор, а музыка долетала уже глухо, будто кто-то оставил её за стеной другой жизни.

Мы сели не вплотную, а чуть боком друг к другу, развернувшись так, чтобы было удобно говорить. Между нами на лавке Артём поставил бутылку виски и колу, потом разлил по стаканам. Я взяла свой, попробовала, подняла глаза на него и протянула стакан обратно.

— Колы ещё можно.

Он молча взял стакан, долил, вернул мне и только после этого сел удобнее, поставив свой у колена. Всё это было как-то слишком спокойно для корпоратива, где до этого весь ве-

чер все двигались, шумели, звали, тянули, смеялись и пытались навязать мне веселье как обязательную услугу.

Артём взял свой стакан, посмотрел на меня и слегка приподнял его.

— Ну что, — сказал он, усмехнувшись, — за спокойствие среди этого пиздеца.

Я засмеялась и легко чокнулась с ним.

— За это можно.

Отпив немного, я покрутила стакан в пальцах, глядя на то, как тёмная жидкость лениво качнулась о стенки, и сказала:

— Спасибо. Но если хочешь, ты не обязан со мной оставаться.

Он посмотрел на меня, потом коротко глянул в сторону дома, откуда как раз донеслось дружное «давай-давай», и снова перевёл взгляд на меня.

— Да нет, — ответил он, чуть пожав плечом. — Почему?

— Ну, мало ли. Там люди, твистер, всё самое лучшее сразу.

На слове «твистер» он усмехнулся, опустил взгляд в стакан и качнул головой.

— Заманчиво, конечно, — сказал он, глянув в сторону дома. — Я, пожалуй, здесь посижу.

Мы ненадолго замолчали. Молчание было вполне объяснимым. Мы почти не были знакомы. Общих тем, кроме работы, у нас пока не было, а работу обсуждать не хотелось. По крайней мере, не сразу. Я сидела, поджав одну ногу под

себя, держала стакан обеими руками и смотрела на дорожку. Артём откинулся чуть назад, упираясь локтем в спинку лавки, потом повернул ко мне голову.

— Ты Ульяна, да?

Я улыбнулась.

— А ты, видимо, Артём, который Тёма.

Он засмеялся, чуть опустив голову, словно слышал это уже не в первый раз.

— Артём звучит слишком официально, — сказал он, потерев большим пальцем край стакана. — Поэтому я стараюсь, чтобы меня называли Тёмой.

— Понятно, — протянула я, и, видимо, что-то в моём лице его всё-таки насмешило.

— Что? — спросил он.

Я качнула головой.

— Ничего. Просто вспомнила кое-что.

— Судя по выражению лица, ничего хорошего.

— И правда ничего хорошего.

Он хмыкнул, но дальше не полез, и я неожиданно оценила это сильнее, чем стоило.

— Получается, ты аналитик, — сказал он через пару секунд. — Я, по-моему, ставил на тебя несколько задач.

Я кивнула, сразу вспомнив его первую задачу и собственную великую профессиональную мысль в стиле «господи, я хочу за тебя замуж», возникшую у меня исключительно из-за нормально заполненного описания.

— Да, было такое, — ответила я и, чуть повернувшись к нему, подняла стакан. — И, кстати, как человек, вечно страдающий от криво поставленных задач проджектов, благодарю тебя за то, что ты пишешь всё в задаче, а не лезешь ко мне в личку.

Артём тихо засмеялся, опустил взгляд и покрутил стакан в руке.

— На прошлой работе нас за это дико дрючили, — сказал он. — Чтобы всё было в задаче: вводные, ссылки, нормальное описание, что именно хотят и зачем. Наверное, уже просто привычка.

— Хорошая привычка, — сказала я. — Я, если честно, чуть не расплакалась, когда увидела твою первую задачу.

Он поднял брови.

— Всё настолько плохо?

— Я здесь почти три года, — сказала я и, откинувшись на спинку лавки, посмотрела на него поверх стакана. — Поверь, задачи всегда приходили в таком виде, как бы кто ни старался. У нас даже регламент есть.

— И что? — спросил он, уже явно понимая ответ.

— И ничего. Его все игнорят.

Он рассмеялся, отвёл взгляд в сторону сада и качнул головой. Разговор пошёл легче, чем я ожидала. Может, потому что между нами не было этого корпоративного света, который делает любое общение чуть искусственное. Может, потому что мы сидели в саду, почти спрятавшись, и никто не

тянул нас обратно в дом. Может, потому что Артём не пытался понравиться любой ценой. Он просто спрашивал, слушал, отвечал и иногда смеялся, когда я наконец переставала фильтровать каждую фразу.

— А ты только здесь работала? — спросил он позже, поставив стакан на лавку рядом с бутылкой. — Или ещё где-то до этого?

Я на секунду задумалась. Обычно такие разговоры мне не нравились. Не из-за вопросов, а из-за того, что за одним почти всегда шёл следующий, потом ещё один, и в какой-то момент ты вдруг обнаруживал, что рассказываешь лишнее. Но сейчас было спокойно. Не настораживающе спокойно, а нормально. Почти по-домашнему.

— Нет, — ответила я. — До этого были ещё пара работ, стажировки в больших компаниях. Эта самая долгая, но не единственная.

— Понятно, — кивнул он, не пытаясь вытянуть из этого целое досье.

И за это я тоже была ему благодарна.

Мы ещё какое-то время болтали обо всём подряд. О работе, о клиентах, о том, как разные компании придумывают новые слова для старого хаоса, о его проекте, который я уже успела посмотреть краем глаза. Я, уже не очень стесняясь формулировок, рассказывала, что вижу в его сценарии, а он слушал, откинувшись к спинке лавки и время от времени проводя ладонью по лицу, будто окончательно сбрасывал с

себя этот бесконечный корпоративный шум.

В какой-то момент я махнула стаканом в его сторону и сказала, что клиент его по большей части занимается скайфингерингом.

Он даже не сразу понял.

— Чем? — переспросил он, повернувшись ко мне всем корпусом.

— Скайфингерингом, — повторила я, уже смеясь. — Пальцем в небо, только дороже и с презентацией.

Артём рассмеялся, наклонился вперёд, опёрся локтями на колени и покачал головой.

— Это лучшее название пальца в небо, которое я слышал.

— Пользуйся.

— Я боюсь случайно сказать это на созвоне.

Я тоже засмеялась. Вообще, странно легко всё шло. Стакан за стаканом разговор становился проще, свободнее, и мы периодически уходили от работы в какие-то соседние темы. Я спросила, где он учился, чем занимался раньше, как вообще стал проджектом. Последнее оказалось скучно логичным: он был проджектом давно, просто в разных местах и с разной степенью бардака вокруг. Сказал это без пафоса, скорее с усталой честностью человека, который давно понял, чем именно зарабатывает себе нервный тик.

Я пару раз вставала покурить, отходя на шаг от лавки к краю дорожки. Артём оставался сидеть, иногда смотрел в сторону дома, иногда просто ждал, пока я вернусь. В ка-

кой-то момент, снова сев на место и стряхнув пепел с сигареты, я посмотрела на него и спросила:

— Ты не куришь?

— Нет, — ответил он, взяв свой стакан.

Я повертела сигарету между пальцами.

— Тебя не напрягает, что я курю?

Он посмотрел на меня с лёгким удивлением, словно вопрос сам по себе был чуть странным.

— Нет, — сказал он спокойно. — Это твоя привычка, не моя. Мне-то что? Все взрослые люди.

Я улыбнулась.

Мне нравилась эта простота. Без лишнего выражения на лице, без великодушного «я потерплю», без желания сделать замечание из лучших побуждений. Куришь — кури. Не куришь — не кури. Как будто это правда ничего не усложняла.

Глава 10

Я не знаю, сколько мы так просидели на лавке, разговаривая о том, о сём, о третьем, десятом.

Разговор тёк легко, почти без усилий. Сначала мы цеплялись за работу, потому что других общих тем у нас, по сути, не было, потом сползли на прошлые места, учёбу, каких-то странных людей, с которыми приходилось сталкиваться, и обратно возвращались к проектам. В какой-то момент я посмотрела на бутылку и заметила, что примерно половина уже исчезла.

Это многое объясняло. Например, почему я сидела в саду напротив почти незнакомого человека, чувствовала себя слегка пьяненькой и почему мне при этом было почти нормально. Не восторженно, не «вот оно, внезапное чудо человеческого контакта», а просто спокойно. Для этого вечера уже очень много.

Артём тоже, кажется, был уже не совсем трезвый. Он говорил свободнее, чем раньше, чуть чаще усмехался и в какой-то момент начал рассказывать, как устраивался на эту работу, а потом довольно быстро перешёл к своему тимлиду, который, по его словам, не мог связать двух слов по поводу собственной же работы.

Я пожала плечами. Его тимлида я знала. К сожалению.

До того как Артём пришёл в команду, задачи по этому

клиенту мне ставила именно она. И это был полный пиздец, оформленный в корпоративную должность. На правах тимлида она любила тыкать мне в нос своим статусом и разговаривать так, словно «бери что дали» было не признаком бардака, а нормальным рабочим процессом. А я, как нетрудно догадаться, сопротивлялась. Иногда даже очень сильно. Мне почему-то казалось, что если человек хочет от меня результата, он может хотя бы один раз сформулировать, что именно ему нужно, кроме великого «посмотри».

Артём слушал, кивал, иногда коротко смеялся, когда я уже переставала подбирать приличные слова. Стакан за стаканом всё становилось проще. Я несколько раз вставала покурить, отходя на пару шагов от лавки. Артём не курил, оставался сидеть напротив меня, иногда смотрел в сторону дома, иногда просто молчал, пока я возвращалась обратно.

Потом Артём вдруг резко замолчал и прислушался.

— Слышишь?

Я тоже прислушалась. Из дома, через музыку, голоса и хлопанье двери, доносилась Kate Bush. Running Up That Hill звучала приглушённо, чуть смазанно, но всё равно узнаваемо. Я повернула голову в сторону дома и улыбнулась.

— О, клёвая песня.

— Да, — сказал Артём. — Обожаю её.

— Ты полюбил её, как все?

Он усмехнулся и покачал головой.

— Нет. Я полюбил её ещё после кавера Placebo. Потом

услышал оригинал, и это было просто фантастика. Вообще подсел на восьмидесятые, хотя раньше их не любил.

— Прикольно.

Я откинулась чуть назад, держа стакан в руке, а он вдруг встал напротив меня, протянул руку и сказал:

— Давай потанцуем.

Я посмотрела на его ладонь, потом на него.

— Ты совсем с ума сошёл? Какой танцевать?

— Да ладно, — он не убрал руку, только чуть улыбнулся.

— Нас никто не видит. Никто не узнает, если ты сама никому не расскажешь.

Я засмеялась.

— Вряд ли я буду этим хвастаться.

Но руку всё-таки дала.

Артём помог мне подняться. Мы оказались перед лавкой, почти на дорожке, рядом с бутылкой, стаканами и этим нелепым куском чужой песни, доносившейся из дома. Он попробовал как-то двинуться в ритм, сначала осторожно, потом чуть увереннее, но быстро понял, что мне некомфортно.

Не из-за него даже. Из-за руки. Из-за самого факта, что я стою слишком близко к человеку, которого ещё утром знала только как аккуратного проджекта из задач и Даниного «полосатого свитера». Из-за того, что нужно держаться за чужую ладонь, слышать музыку из дома и делать вид, что это нормальное действие, а не что-то, к чему моё тело относится с недоверием.

Пока мы пытались понять, танцуем мы всё-таки или просто странно стоим около лавки, песня закончилась. Мы так и остались стоять напротив друг друга. Артём держал меня за руку. Не крепко, скорее уже просто не успел отпустить.

Я вытащила ладонь.

Он посмотрел на это движение, потом на меня. Пару секунд молчал, словно выбирал, стоит ли вообще что-то говорить.

— Странно, — сказал он наконец.

Я чуть напряглась.

— Что?

Он опустил руки, чуть отступил к лавке и присел на край, больше не пытаясь превращать происходящее в танец.

— Ты работаешь с людьми. Читаешь пользователей, помогаешь бизнесу читать покупателей, делаешь так, чтобы им было удобнее, — сказал он, глядя не прямо на меня, а куда-то в сторону дорожки. — Но сама людей как будто не особо любишь.

Я скрестила руки на груди.

— Почему ты так решил?

Артём поднял на меня взгляд.

— Заметил. Ещё когда вы приехали. Не думаю, что это прям бросается в глаза, если не смотреть специально. Но ты держишь дистанцию. Не очень любишь, когда тебя трогают. Не очень хочешь разговаривать, если разговор не по делу.

Он замолчал резко, будто сам себя остановил, и чуть по-

морщился.

— Я не буду лезть тебе в душу. Это не моё дело. Сорян, если я сейчас ворвался в твою зону комфорта.

Я стояла перед ним и несколько секунд не знала, что ответить.

Сказать, что я была в шоке, было бы громко. Но что-то внутри всё равно сбилось. Не из-за того, что он заметил. Люди иногда замечали. Просто обычно после этого начиналось другое: подбадривания, вопросы, попытки потрогать за плечо, вытянуть объяснение, сделать вид, что теперь между нами возникла особая близость.

А он сидел на лавке, смотрел на меня снизу вверх и не делал ничего. Даже паузу не пытался заполнить.

Потом вдруг сказал уже другим тоном:

— Значит ли это, что если ты читаешь пользователей, ты хорошо читаешь людей?

Я ухмыльнулась, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает.

— Я не психолог и не гадалка, поэтому нет. Если у тебя вдруг есть привычка крутить волосы у виска, я в душе не ебу, что это значит.

Он засмеялся.

Я повернулась к лавке, взяла пачку сигарет, открыла и поняла, что сигареты закончились. Внутри лежали только бычки, которые я по привычке складывала туда же, чтобы не бросать где попало.

— Блять, — сказала я вслух. — Сиги закончились.

Артём посмотрел на пачку.

— Я могу сходить стрельнуть, если тебе нужно. Учитывая, как ты не хочешь возвращаться.

— Не, да нет, не нужно.

Я сказала это и сама услышала, как неубедительно прозвучало. Возвращаться в дом мне правда не хотелось. Совсем. Там были люди, музыка, твистер и шанс снова оказаться втянутой во что-нибудь, требующее радости.

Артём встал.

— Не, покурить — святое дело. У меня батя курит, я знаю, как это.

Он посмотрел на меня, будто ждал разрешения.

— Подождёшь пару минут?

Я взглянула на дом, потом на дорожку, потом на пустую пачку у себя в руках.

— Моя комната на первом этаже, первая дверь слева. Там рюкзак у стены. В боковом кармашке есть пачка.

Артём кивнул.

— Понял.

— Только не ройся там.

— Не буду.

Он ушёл по дорожке к дому.

Я осталась стоять возле лавки, потом всё-таки опустилась обратно, положив пустую пачку рядом со стаканом. Из дома доносилась музыка, кто-то смеялся, кто-то кричал что-то

невнятное, и всё это казалось уже довольно далёким. Я смотрела на дорожку, по которой он ушёл, и пыталась понять, когда именно вечер стал настолько странным, что я отправила почти незнакомого человека в свою комнату за сигаретами и не почувствовала желания срочно отменить это решение.

Через несколько минут дверь на террасу снова открылась. Артём вышел с моей пачкой в руке, спустился по ступенькам и вернулся к лавке. Он протянул сигареты молча, без победного вида и без комментариев про то, что он «спас вечер».

— Держи.

Я взяла пачку.

— Спасибо.

Я достала сигарету, щелкнула зажигалкой и чуть отошла к краю дорожки, разворачиваясь так, чтобы дым не тянуло в сторону Артёма. Он остался стоять у лавки, держа свой стакан в руке и наблюдая за мной без навязчивой внимательности, от которой обычно хочется сразу спросить, что человеку надо.

Из дома снова донёсся смех, потом кто-то что-то крикнул, музыка на секунду стала громче и снова ушла фоном куда-то за деревья. Я затаилась, глядя в темноту сада, и уже почти решила, что мы вернулись к нормальной тишине, когда Артём вдруг сказал:

— Но ты всё равно замечаешь больше по поведению, чем другие, да?

Я повернула к нему голову.

Он стоял там же, чуть развернувшись ко мне, и, кажется, правда ждал ответа, а не пытался подловить меня на очередной странной формулировке. Вопрос был продолжением того, что мы обсуждали до его похода за сигаретами, но прозвучал спокойнее. Без давления. Просто любопытство, которому зачем-то дали человеческий голос.

Я выдохнула дым в сторону, почувствовала, что хочу пить, и вернулась к лавке. Взяла стакан, сделала пару глотков, снова посмотрела на Артёма и пожала плечом.

— Ну, если мы уж пошли в эту сторону, бывают всякие маркеры поведения. И в обычной жизни тоже. Просто я стараюсь на них не фокусироваться.

— Почему? — спросил он, чуть склонив голову.

— Потому что иначе жить невозможно. Начинаешь в каждом жесте искать смысл, а люди иногда просто чешут нос, потому что нос чешется.

Он усмехнулся, опуская взгляд в стакан.

Я докурила, затушила сигарету и бросила бычок в старую пачку, лежавшую на лавке. Получалось очень изящно: ночь, сад, виски и окурки в пачке, потому что даже в сомнительных обстоятельствах во мне иногда просыпался человек, не желающий мусорить под кустом.

— И что ты можешь прочитать по мне? — спросил Артём.

Я взяла стакан, отпила ещё немного и посмотрела на него внимательнее.

Вопрос был простой, почти ожидаемый. Наверное, надо

было ответить что-нибудь безопасное: что он устал от людей, что он держится в стороне, что ему не очень нравится вся эта корпоративная движуха, хотя он неплохо в неё вписался. Что-то достаточно умное, но ни к чему не обязывающее.

А вместо этого меня почему-то потянуло на глупость. Может, дело было в виски. Может, в том, что я иногда сначала говорила, а потом думала. Может, в том, что он стоял напротив меня в полумраке и от этого любой шаг в разговоре казался одновременно безопасным и идиотским.

— Ты последний час смотришь мне на губы, — сказала я, удерживая стакан обеими руками. — И либо у меня лист салата застрял в зубах, либо ты хочешь меня поцеловать.

Сказав это, я почти сразу пожалела.

Артём молчал, слегка приподняв брови и продолжая смотреть на меня так прямо, что все мои прекрасные аналитические способности захотели взять отпуск без содержания. Я стояла напротив него, чувствуя, как внутри очень быстро собирается паника, и пыталась придумать, как можно красиво откатить сказанное назад.

Никак. Красиво уже не получалось.

Я открыла рот, собираясь сказать что-нибудь про алкоголь, неудачную шутку и недостаточную выборку для выводов, но Артём опередил меня.

— А что, если хочу?

Я стушевалась. Прямота выбила меня сильнее, чем если бы он начал смеяться. Я моргнула, посмотрела на стакан, по-

том снова на него, чувствуя, как привычная язвительность куда-то исчезает, оставляя после себя только глупое тепло под рёбрами и сильное желание срочно занять рот хоть какими-нибудь словами.

— Я накурилась, — пробормотала я.

Ответ, конечно, был выдающийся. Почти как «спасибо, я подумаю» в ситуации, где думать уже поздно.

Артём улыбнулся, поставил стакан на лавку и сделал шаг ближе. Не резко, не перегораживая мне путь, а так, чтобы я успела отступить, если решу, что всё это уже слишком. Я не отступила. Просто стояла, сжимая свой стакан, и смотрела, как он оказывается рядом.

— Меня это не напрягает, — сказал он.

Он снова взглянул на мои губы, уже ближе, и спросил:

— Можно?

Я попыталась отшутиться привычным способом, потому что, видимо, даже в такой момент мой организм считал сарказм базовой системой безопасности.

— Я же не знаю, можно тебе ил...

Я не успела закончить. Его губы накрыли мои.

Сначала почти осторожно. Мягко, без напора, без попытки сразу забрать себе больше, чем я успела разрешить. Он целовал так, словно в любой момент был готов остановиться, отступить, сделать вид, что ничего страшного не произошло, и оставить мне возможность отшутиться, закурить и списать всё на пьяный бред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.